

ЭПОХА МЕРТВЫХ
АНДРЕЯ КРУЗА

АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВ
ЭКСПЕДИТОР
ОТТЕНКИ ТЬМЫ

Александр Николаевич Афанасьев

Экспедитор. Оттенки тьмы

Серия «Мир «Эпохи мёртвых»»
Серия «Экспедитор», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19461590

Эпоха Мертвых. Экспедитор. Оттенки тьмы / Александр Афанасьев:

Эксмо; Москва; 2018

ISBN 978-5-04-096839-8

Аннотация

Нелегко жить в мире, где ожившие мертвецы – печальная обыденность, а гуманность, закон и порядок стремительно становятся устаревшими понятиями. Однако жителям города Ижевска и окрестностей удалось сохранить оазис спокойствия посреди гибнущего старого мира. Неудивительно, что Александр и его команда, возвращаясь домой после нелегкого рейда на территорию бывшей Украины, надеялись на то, что жестокие бои остались позади. Но их ждала встреча с новым врагом, намного более опасным, чем полчища зомби и банды озверевших националистов...

Содержание

Пролог	5
Бывшая Россия, Агрыз – Ижевск	8
Бывшая Россия, Ижевск	32
Бывшая Россия, Ижевск	68
Бывшая Россия, Волга	76
Бывшая Россия, Удмуртия	107
Подмосковье	112
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Александр Афанасьев

Экспедитор. Оттенки тьмы

*Когда Нику, священных од герой,
багряный меч подняв над головой,
Вел черных воинов, яростных в борьбе,
навстречу славе и своей судьбе...*

Чаттертон

Перед тем как вы начнете читать эту книгу, автор хотел бы кое о чем вас предупредить.

Эта книга является чистой фантастикой, и не более того, описанием мира, прошедшего через жуткую эпидемию и теперь пытающегося хоть как-то выжить. Именно как фантастику его и нужно воспринимать. Автор не призывает к отделению каких-либо территорий от РФ, к созданию незаконных вооруженных формирований и тому подобных вещей – хотя иметь оружие в личном владении считает нужным и сам его имеет. И второе – все события, персонажи, должностные и юридические лица в этом повествовании являются вымышленными. Автор не имеет информации о каких-либо незаконных действиях организаций и должностных лиц в Удмуртии или где бы то ни было еще.

Пролог

Я иногда думаю, а что не так со всеми с нами? Почему мы какие-то... порченые, что ли. Мы ведь порченые на самом деле? Почему каждый из нас – я не исключаю себя – не может просто взять, отбросить в сторону все личное, все шкурное – и работать вместе и ради общего. Превозмогать беду?

Нет. Не можем.

Как-то ведь мы выкарабкивались из бедствий... Первая мировая, затем Вторая – полстраны в развалинах, в руинах, а лет через пятнадцать – уже мирная и неплохая жизнь. А что будет через пятнадцать лет с нами... точнее, через двенадцать, потому что три года уже прошло. Будем ли мы вообще в самом примитивном понимании этого слова. Как там у Шекспира – to be or not to be?

Почему сто лет назад, когда все так же лежало в руинах – мы не кинулись заводить рабов и торговать людьми как скотом, а сейчас – кинулись. Почему?

Почему с такой легкостью мы скатились в мрачную дикость?

Но это еще не главный вопрос. Главный – а что случилось у нас, в Удмуртии? Почему мы, так хорошо пережив первый, страшный удар Катастрофы, когда мало кто выжил, а мы – выжили, сейчас оказались беззащитны перед человеческой подлостью, жестокостью, жадностью, эгоизмом и тем, что в

Библии называется «изобретательностью на зло»?

У меня нет ответа.

Но он мне и не нужен. Ибо я – не интеллигент, размышляющий на досуге о весомости слезы ребенка. Я – человек с автоматом, который привык не рефлексировать, а решать проблемы. Не важно, как и какие. А эти твари... они ведь не просто хотят бизнес там отжать... они хотят отжать наш общий дом, который мы с таким трудом построили, точнее – с таким трудом удержали, посреди общего хаоса, беды и разрухи. Хотят отжать общее и превратить это в частное, то, что бы принадлежало им одним.

И хотят они, чтобы у нас было как везде. Чтобы несколькими ублюдкам принадлежали не только заводы и схемы, чтобы им принадлежали и люди, их тела и души. К этому все шло. Рано или поздно в чьих-то мозгах должно было созреть – а какого это хрена я должен платить людям зарплату, заботиться об их жилье, о будущем, когда можно сделать все проще – барак, несколько охранников с автоматами и все – мне. А для тех, кто против, – загон с откормленным монстром – мы как-то видели такое в бывшей зоне Вятлага.

И все просто, да?

Только перед этим он должен будет убить нас. Тех, кто привык стрелять, а не рассуждать. Тех, кто так не жил и никогда не будет. И наконец, тех, у кого сохранилось хоть сколько-то совести, позволяющей не стать разбойником и грабителем, а жить так, чтобы могли жить и другие. И в на-

шей страшной жизни все же видеть теплящийся где-то вдали свет...

Бывшая Россия, Агрыз – Ижевск

Девятьсот семьдесят девятый день Катастрофы

*Ты шел не спеша,
Возвращаясь с войны
Со сладким чувством победы,
С горьким чувством вины...*

Группа «Чайф»

От Зеленого Дола до Казани и Агрыза мы дошли нормально – там дорога поддерживалась в нормальном состоянии. Казань обошли.

Дом, милый дом...

Знаете... я как-то не очень любил Ижевск до Катастрофы. Я много времени в Москве проводил, много ездил. Да и чего... Ижевск ведь довольно примитивен в том плане, что здесь очень тонки культурные пласты. Здесь практически нет ничего из девятнадцатого века, не говоря о том, что старше – есть старый корпус оружейного завода 1802 года постройки, одно из четырех заводских зданий адмиралтейского типа в России (еще одно есть в Воткинске), пара купеческих зданий и... все. Здесь никогда не было какой-то значимой общественной жизни, до революции это был не город даже – Ижевский завод, поселок при заводе, а относились

мы к Вятской губернии. Здесь нет признанного и выделенного городского центра с общественным пространством, здесь никогда не происходило ничего особо значимого – просто место для жизни и работы людей. Но сейчас... во время Катастрофы Ижевск стал городом-крепостью, единственным, кто так успешно противостоял заразе и смог сохранить нормальность жизни почти полностью. Мы не только выстояли, мы и помогли соседям, а сейчас, видимо, Ижевск станет одним из центров, откуда человечество перейдет в контрнаступление. Потому что, как сказали братья Стругацкие, главный подвиг человечества в том, что оно выжило и намерено выживать и далее.

Как? Ну, я думаю, мы сможем сохранить и поддерживать уровень технической культуры на уровне 60-70-х годов прошлого века. То есть то, что было до компьютеров – электронику мы точно потеряли. Но ведь не так уж дико тогда и жили, верно? Не в землянках, и машины уровня первых «КамАЗов» мы осилим рано или поздно. Рано или поздно мы победим бандитизм, восстановим связность территорий. И можно сказать – реколонизируем землю.

А я, получается, – один из тех капитанов, которых Англия, Португалия и Испания посылали от своих берегов.

Ну вот. Сам себя не похвалишь...

Подходили к городу мы от Агрыза, на развязке с Ижевской кольцевой – нас ждала целая делегация – машины ГИБДД, правительства, полиции и ФСБ. От завода были.

Встречали нас как героев – не только прошли такой долгий путь с минимальными потерями, но и в качестве трофея пригнали БТР.

Среди встречающих – я заметил и Димыча, тот, поймав мой взгляд, кивнул...

После того как все началось, совершенно неприспособленные к этому госструктуры были вынуждены исполнять несвойственные им функции. Например, местное отделение УФСБ было вынуждено исполнять функции стратегической разведки. Но не обстоятельства определяют человека, а человек – обстоятельства. И нет таких крепостей, которые не смогли бы взять большевики...

Мы сидели в здании управления ФСБ – старом здании на Пушкинской, рядом со стадионом «Динамо». Это чуть ниже здания правительства, чуть выше моей родной школы. Сейчас ФСБ разрослась, потому что МВД переехало, и часть помещений бывшего МВД передали ей, в том числе и большую бетонную высотку на той стороне. Но мы сидели в старом здании – просто два старых приятеля, которые хотят выжить и хотят, чтобы выжил их край.

– Значит, транспортировка все же возможна.

– Возможна. Одним из двух путей. Либо по действующей железке на Ростов, а затем – водой до нас. Либо транспортными конвоями на Ульяновск. Вероятно, первый путь следует оставить для основного груза.

– Но будет ли он?

– Будет.

– Уверен?

– Уверен. Не устоят они.

– А если устоят?

Я ничего не ответил.

– А у вас тут что?

– Да как сказать....

И сердце – защемило ощущением беды.

– Поехали, сам все и увидишь...

Воткинское шоссе. Прошли мимо старого здания ГИБДД на повороте, теперь превращенного в крепость МВД, пошли дальше к гаражам. И – опа!

Это сейчас всегда так бывает. Опа – и ты не знаешь, что делать. Хотя... наверное, и всегда так было...

Как кирпичом по башке.

Расстрелянная колонна машин стояла за «Буммашем», в сторону ГИБДД, на повороте. Там рядом, в высотном здании – райсуд и еще что-то. Машины просто сдвинули в сторону, чтобы не мешать, и оставили. Продырявленные, ржавые уже кузова, выбитые стекла, спущенные шины. В основном кру-заки...

Ё...

У меня просто слов других не было. Нецензурные только.

Через монокуляр я разглядывал дома по обе стороны Воткинского шоссе, раздумывая над тем, как могло вообще такое произойти.

Судя по всему, заходили они как раз со стороны Воткинска. Разумно предположить, что с Перми пришли, хотя хрен его знает. В Перми до сих пор нет порядка, причина очень проста – не компактный город на сложном рельефе, его и зачистить сложно, и оборонять. А в Пермь они откуда пришли?

Судя по всему, они хотели сворачивать в город, и тут по ним и открыли шквальный огонь с высотных зданий по левую руку и спереди. Все произошло быстро, стволов было очень много, а умершие наверняка восстали и бросились на живых. Вот и все.

Десять машин.

– Кто это был?

– Блатные. С Подмосковья, с Твери, с Нижнего, с Мордовии. Вот только те, что установлены...

Дмитрий протянул мне пачку отпечатанных на плохой бумаге ориентировок, я начал перебирать их, думая, как все могло произойти. Ну да, вот этого будет достаточно. Одного этого. Вахтанг Сухумский – из молодых, входит в группировку, имеющую пай и в нижегородском торге, и в Подмосковье. Несмотря на молодость – коронованный вор.

Как он тут оказался?

– Как они тут оказались? Почему по ним открыли огонь?

– Прорвали заградительный пост на горке. Пришлось отвечать.

– Что ты мне втираешь! Какой, на хрен, пост на горке?! Это авторитетные воры, они тут могут быть только по приглашению! Кто их пригласил?!

– Не ори. Нас в известность поставили, постфактум уже.

Я огляделся... сделанного уже не воротишь. Надо думать, как разгрести теперь.

– К кому они приехали?

– МВД считает, что к Ришату.

– К Ришату? Что за хрень?!

Ришат был одним из «разрешенных» авторитетов, их существование негласно допускалось в обмен на то, что через них не будет ничего серьезнее проституции и азартных игр. Азартные игры мы разрешили и с ними не боролись, потому что если кто-то дурак – то это его личная проблема. Ришату разрешили восстановить некогда знаменитое место под названием «Шарк-клуб» на Татар-базаре.

– А Ришат что говорит?

– Ничего.

– То есть?

– Оказал сопротивление при аресте и был уничтожен.

– Да что за бред такой?

Дима поморщился.

– Не ори, я же сказал.

– Извини, но это хрень полная.

– Может. И что делать будем?

– Разбираться, что еще делать. Ты хоть понимаешь, что произошло?

* * *

– Это люди, связанные с нижегородским торгом!

– И что?

– Слушай, ты дурак или как? Теперь о нормальном торгове забыть можно – нам мстить будут на каждом шагу. Нормально?

– Ну, формально мы были правы. Они же на прорыв пошли!

– Формально?! Е...ть, формально! Знаешь, как на том памятнике написано?! Здесь лежит такой-то, погибший в аварии. Он был прав.

– Ну а что делать-то было.

– Что делать?! Вежливо, твою мать! Вежливо выпроводить их, если они тут не нужны. Вежливо, а не стрелять!

Я был так зол, что слов не находил. Я ведь и сам немало постарался, чтобы нас приняли в Новгороде, и не просто как еще одних – а как гостей дорогих. Новгород ведь торгом живет, и чем богаче у них торг, тем всем выгоднее – нам, им. Теперь же удара можно ожидать с любой стороны и в любую минуту. Блатные никогда не простят гибели воров, что бы дальше ни случилось. Мы ответим... и пошло-поехало.

– Поехали, – сказал Дима.

– Куда?

– Поехали, поехали.

От Ижевска скоро домчали до Воткинска, там повернули, краем, не заходя в город. Еще через двадцать минут мы были уже на плотине, в Чайковском – стратегический объект, он сильно охранялся, потому что другого такого источника электроэнергии у нас не было и не будет. От плотины мы почти сразу повернули к затону, к кладбищу старых кораблей, которые никогда уже не пойдут в рейс.

Как только повернули, я сунул руку в карман, к револьверу – мало ли. Димыч заметил и усмехнулся...

В затоне мы взяли спрятанную там кем-то «Казанку», и на ней – вышли в Воткинское море – искусственное водохранилище у ГЭС. Конечно, море так себе... но другого у нас и нету...

Зачем мы идем, мне стало понятно, когда мы увидели впереди по курсу еще одну «Казанку» и сгорбившегося в ней человека в длинном рыбацком плаще. Вот уже и до секретных встреч дошло.

Человек был маленьким, мне по плечо, пожилым, с аккуратной мушкетерской бородкой. Да, он заядлый рыбак.

Судья в отставке Федорин. Прокурор республики...

– Разрешите к вам на огонек? – громко осведомился Ди-

МЫЧ.

– Рыбу распугаете, – буркнул Федорин.

– Мы быстро.

Федорин посмотрел на меня... он меня должен был помнить еще по работе судьей. Но не узнал. Или сделал вид.

– Это кто с тобой?

– Свой.

– Свой?

– Отвечаю.

Федорин иронически посмотрел на меня. Потом протянул руку. Он ведь помнил меня, я у него судился в свое время.

– Проблему я вижу так, молодые люди...

Мягкая волна качала сцепленные бортами лодки.

– В этом мире не может быть ничего общего. Как только появляется общее, кто-то сразу хочет превратить это в частное.

Федорин – невысокий, бородка клинышком, очки, типичный чеховский интеллигент – я вспомнил, был судьей с 1982 года. Так что он знал, о чем говорил.

– А мы, молодые люди, ни туда ни сюда. С одной стороны у нас коммунизм, с другой – чуть ли не НЭП. Вот и примеряются... к нам превратить частное в общее.

Я поморщился.

– Анатолий Иванович... по-моему, тут что-то другое.

– Расскажешь?

– Бандиты с Нижнего и с Подмосковья раскатали губу на наш город. Это рано или поздно должно было произойти. Сначала им было достаточно комиссионного дохода, но потом они подумали, что слишком большие потоки проплывают мимо них. И они начали думать, как им прибрать нас к рукам.

– Это понятно, – перебил судья, – но что произошло тогда на Воткинском шоссе?

– Казус белли.

– Повод к войне? Десять машин забили?

– Мне кажется, у них тут есть свои люди. Это спектакль. Я не выяснял насчет тех, кто был в машинах, но мне почему-то кажется, что если разобраться в ситуации поконкретней, то выяснится, что они многим мешали. В Новгороде. Их и отправили сюда на бойню. А конкретно – мешать они могли москвичам. Тем, кто связан с обналичивающим бизнесом.

Судья остро посмотрел на меня.

– Думаю я, молодой человек, что вы знаете что-то, что не знаем мы. Расскажите? Раз уж рыбу распугали.

Я рассказал все, что знал. Начиная от моих мыслей по поводу Забродина и заканчивая тем, что рассказал мне Сая – про то, что за фрукт крутился на Камбарском причале. Фрукт как раз из московских тем.

Когда я закончил говорить, судья посмотрел на Дмитрия, тот развел руками.

– А что вы хотите, Анатолий Иванович. У нас и половины тех возможностей нет, как раньше.

– Когда я начинал, работали без компьютеров. И порядок был!

– Ну, извините.

Судья посмотрел на меня.

– Александр, я ведь вас помню. Вы у меня по «Солид-Инвесту» судились, так?

– Было дело.

– А теперь чем живете?

– Он наш, Анатолий Иванович... – вступил Дмитрий.

– Я не тебя спрашиваю, – оборвал судья.

– Чем живу? – переспросил. – Да тем же, чем и все. Выживаю. Депутатствую, на торг езжу. Чтобы вы понимали – претензий от руководства завода по поводу левака или чего там – ко мне не было никогда.

– Это мы знаем. Иначе бы ты со мной и не разговаривал даже. Вопрос в другом – ты как будущее видишь?

Я невесело усмехнулся.

– Будущее? А какое у нас будущее? Вы понимаете, с какого-то момента, как только численность рода снижается ниже определенной величины, он начинает угасать. И сколько бы детей ни рождалось – все равно дело плохо. Вспомните Красную книгу – скольким видам удалось из нее выйти? А ведь им человек помогал. А нам – кто поможет?

Судья какое-то время думал, а мы молча ждали. Волна

шлепала о борт.

– Мрачно, – наконец сказал Анатолий Иванович, – не ведется у вас политработа на заводе. Плохо это.

* * *

– Ты один из тех, кто часто бывает за пределами республики и многое видит. Скажи, хоть в каком-то месте, которое ты посещал, есть справедливость?

– Это зависит от того, что считать под этим словом.

– Не юродствуй. Ты прекрасно меня понял, справедливость одинакова. Что для меня, что для тебя, что для него. Вот только когда речь заходит о собственном брюхе и кармане, мы делаем вид, что не понимаем, о чем речь.

– Постойте... Анатолий Иванович... вы что, хотите... коммунизма нового?

Бывший судья покачал головой.

– Волосы уж седые, а слова все дурные. Коммунизма я не хочу, да и вряд ли он возможен. Коммунисты сильно ошибались в сущности человеческой природы, – и только когда проверили теорию практикой – поняли. Да поздно было. Нет, разверсток я не хочу. Но я считаю, что, если человеку дать ради чего жить, – он преодолет любое «как». Ты видел, сколько рабов, людьми как скотом торгуют! Нас и так мало осталось! Рабы, засилье бандитов кругом.

– И что вы предлагаете?

– Идти в поход, освободить рабов?

– А почему нет?

– Да потому, что сил у нас не хватит.

– Саш, – сказал Дима, – не получится по-другому. Мы их или они нас. Или они нам свои порядки навяжут – или мы им. Не отсидимся.

Откуда это в нас. Чудом, чудом, можно сказать, выжили – и нет, надо спасать мир.

Или это я какой-то ненормальный?

– Постойте, – вдруг понял я, – уже обсуждали что-то конкретное? По Новгороду, еще по чему-то?

Молчание было красноречивее любых слов. Обсуждали. Что было дальше – догадаться несложно. Как и в почти любом подобном заговоре – кто-то слил.

– Еще вопрос. Беспалов, глава администрации Камбарки, в курсе был? Он с вами?

– А что? – осторожно спросил Дмитрий.

– А то, что у него дочь пропала!

Повисло молчание. Каждый мог додумать сам. Господи... ну куда нас несет? Хотя если выбирать между ментами и эти-ми... я выберу этих.

Хотя и те и другие – идиоты.

– Что делать будем? – спросил Дмитрий.

Интересный вопрос.

– Для начала, может, разберемся, кто следит за нами с берега? – ответил я.

* * *

– Не оборачивайтесь. Вон там, у мыса я видел проблеск...

Следили скорее всего за судьей. Мы слишком мелкая сошка, чтобы за нами следить.

Наш джип прошел в обратном направлении плотину, но за плотиной – вместо того чтобы идти на Воткинск – Димыч резко повернул руль вправо. Машину затрясло на проселочной дороге...

– В багажнике, – проговорил Димыч, не отрываясь от дороги.

Я прямо на ходу полез в багажник. Трясет, конечно, изрядно, так можно и шею свернуть. Ого...

Вжикнула молния. Помимо «калаша» – в багажнике была «Сабатти 300», охотничья.

– На хрена ты дрянь такую возишь?

– Сам ты дрянь. На Кавказе спецы с такой только ходили.

– Бред.

– Отвечаю. Не будешь же ты с «ТРГ» или АW по горам сайгачить. А эта – и дешевая, и точная, и легкая, самое главное. На шестьсот метров траектория почти прямая, а дальше

и не надо.

– Уговорил, забирай.

– Вот жук...

– А ты думал.

Место это я знал. Это пансионат, я тут был один раз до Катастрофы. Камские дали называется...

– Стой.

Но Димыч уже сам остановил машину – не надо на территорию въезжать, еще непонятно, что там...

У меня при себе револьвер и «ПБ», я взял себе автомат, так как с винтовкой я не знаком совсем, а автомат – он автомат и есть. Димыч идет первым. Его автомат – «АКС-74У», ментовский, без обвеса, без всего, только магазины изолен-той обмотаны.

Приклад откинуть, переводчик на ОД – понеслась!

Ломиться можно по дороге, а можно обойти. Мы обошли.

Там основное здание – теремком, дальше – домики. А за домиками – очень крутая тропка вниз, прямо к воде. А так как я тут был не один – то от этой тропки у меня остались самые приятные воспоминания...

Лагерь был пуст. Совсем. А вот за теремком был припаркован джип, китайский. «Тигго», небольшой, китайская копия «РАВ-4».

Димыч занял позицию на прикрытие. Я приблизился...

машина заперта, но стоит тут недавно. Недолго думая я достал нож и порезал покрышки справа, и спереди, и сзади. Пусть теперь уехать попробует...

Некошенная трава, сгнившие домики. Вот тут мы в футбол играли...

Не думать. Не думать ни о чем, что было раньше, три года назад. Иначе крыша съедет.

Не думать.

Вот и спуск к морю, за тем домиком.

Только спуститься нам не дали... едва я выглянул – снизу долбанули из чего-то нарезного, пуля прошла совсем рядом.

С...а!

– Дай!

Там был еще один спуск, я помнил. Но дикий. Ошибешься – метров двадцать кувыркаться будешь...

И если тут мертвяки есть...

Ага, вот. Заросло все, но вот...

Осторожненько...

Там дерево росло, на самом обрыве. К нему я и прислонился.левой рукой за ствол, поверх цевье винтовки.

Ага... вон по берегу убегает...

Бах!

Легкая винтовка – жестко отдала в плечо, но результат был таким, как Димон и обещал – как копьем, попал с первого выстрела. Убегавший – споткнулся и упал всем телом вперед...

Слева – несколько выстрелов и короткая автоматная очередь.

– ФСБ! Сдавайся!

Еще выстрелы. Из «СКС» садит.

Все это я думал, обматывая вокруг пояса паракорд. Спускаться буду. Вот оборвется сейчас паракорд или дерево сломается, полетит моя тушка вниз – и кто расскажет вам о том, что дальше было, а?

Обожгло руки, спуск превратился почти в неконтролируемый, но я все же спускался, а не падал. Там, у самой кромки воды, узенькая полоска, можно пройти.

Винтовку я оставил там, наверху – не нужна она. Выхватил из кобуры «ПБ», ладони обожгло болью, как за раскаленное схватился, – плевать. Сбросил с предохранителя, начал продвигаться вперед...

Увидел стрелка. В горке, лысый, остервенелое лицо. «СКС», как и думал.

– Замри!

Он на секунду замер, а потом стал разворачиваться, вскидывая карабин. Выбора у меня не было...

Первому, который убегал, я попал в позвоночник. Хотел в ногу, да хрен там. Он уже успел умереть и возродился, когда мы подошли, он застонал, но не как человек, которому больно, как нежить, протягивая к нам руки.

Хлопнул «ПБ», и проблемы не стало...

Понятное дело, документов не было ни у одного из них.

«СКС». Непростой, с длинным магазином, на пятнадцать патронов и ЭОТЕКом, еще «ГТ», у того что убежал – мы нашли «Глок-17», которого у простого человека не могло быть, по определению. Блокнот, в нем записи, китайская труба для наблюдения за звездами, два фотика, один из них дорогой – я плохо разбираюсь, но объектив внушает. Что-то серьезное, дорогое, такое не покупают, «чтобы было», чтобы отпуск заснять.

Нашли и ключи от джипа. А самое главное – осмотрели их самих... и эти люди не выглядели, как те, кто живет на дикой территории, не моется неделями, зарастает грязью и щетиной, и все такое. Эти люди выглядели как люди до Катастрофы... побритые, совершающие все необходимые гигиенические процедуры, имеющие возможность воспользоваться услугами врача. У одного из них был свежий шрам – от аппендицита, сейчас это проблема, люди едят что попало...

Трупы мы обобрали и скинули в воду – пусть думают что хотят. Машину отгоним и спрячем, пусть ищут.

– Дальше чо?

Крузак – несся к городу. Из-за мощной подвески – все ухабы и колдобины почти не чувствовались.

– Морду топором, и...

Я покачал головой.

– Дим, вопрос не по нашей ответственности. Ты что, думаешь, что вы сможете инфу накапливать и в нужный момент отработать ее?

– А что – нет?

– Нет. И знаешь, почему – нет?

* * *

– Потому что тогда у любого, кем ты занимался, было что терять. Сейчас – нам всем терять нечего. И им – тем более.

Димыч угрюмо промолчал, потому что знал, что я прав.

– Ты понимаешь, что скорее всего своими разговорами про атаку на рабовладельцев как раз вы и вызвали ответную движуху?

– Нет, ну а что – так, что ли, все это оставлять?

Да как сказать...

Я рабов не покупал и не продавал, и если получалось карать тех, кто их покупал и продавал – то карал, и карал жестоко. Но я и не думал замахиваться на систему в целом. По мне – важнее всего было создать какую-то устойчивую систему в рамках нашего социума, исходя из того, что мы реально можем, на что хватает людей и ресурсов. А нам реально не хватит людей, кроме как на Удмуртию плюс какие-то куски соседних регионов – Пермь, Вятка, Татарстан. Ну нет сил. Самое страшное – что нет. И как только мы освоимся, поднакопим сил, соберем под свое крыло тех, кого сможем

– вот тогда можно будет замахиваться на что-то большее.

Но по здравом размышлении я понял, что и Анатолий Иванович в чем-то прав. Никто не будет ждать, пока мы окрепнем и укрепимся. Скорее попытаются сделать все, чтобы уничтожить. Чем крепче мы будем – тем больше найдется желающих против нас дружить. Таковы законы этого мира, которые со дня Катастрофы ни разу не изменились. И если так – то не разумнее ли и в самом деле ударить первыми.

– Ты Элинке подарок привез?

Мне вдруг стало очень стыдно. Как-то не умею я «жить для двоих».

– Нет.

– Давай заедем.

– Спасибо.

– Да не за что. Я знал, что ты не подумаешь...

Вечером, точнее ночером, как сейчас говорят, мы усталые и счастливые пили чай, Элинка рассказывала о византийских интригах в сфере здравоохранения, а я не мог сосредоточиться на том, что она говорит – я продолжал думать.

В чем смысл той бойни на Воткинском шоссе? Самый очевидный – сплотить против нас всех или что-то другое? Насколько в теме менты? Спросить Мешка? С учетом того, что он меня на Воткинское шоссе и возил?

С другой стороны – кто Мишке Новосельцев, и кто – я? А хрен его знает, сейчас все с ног на голову встало, да и до

Катастрофы не легче было. Ни в ком нельзя быть на сто процентов уверенным, понимаете? Ни в ком и ни в чем.

Если менты в теме – то худо дело. Поскольку армии у нас не было, они у нас главные силовики. А за многими грязь еще с давних времен тянется, равно как и связи с корешами из других регионов. А я замечаю, мотаясь на торг, что немало их выжило. Конечно, смертность запредельная, потому что в самом начале, как только поступал вызов, что кто-то там ходит и людей кусает, выезжал наряд полиции. Но с другой стороны – давайте не будем путать хрен с пальцем, а патрульного с опером из шестой ОРЧ к примеру. Первый-то скорее всего относительно честный – где ему хапнуть? А вот второй...

И понятно, что погибали в первую очередь как раз первые, а вторые многие вовремя поняли, чем что пахнет, со стволами пересидели, а потом объявились. Уже со связями, с навыками, со спайкой.

Новосельцев тоже предлагал по Новгороду ударить, но скорее всего он на вшивость меня проверял – клюну или нет. Они не знают, за кого я. И им бы не помешал доступ к оружию. Особенно тот, который могу обеспечить я, ведь те стволы, что уходят за пределы республики, с учета автоматически снимаются. Продали и продали, какой сейчас учет? Так можно роты вооружить. Батальоны.

Если они решились устроить бойню – значит, развязка близко. Не зная точно, за кого я, они попытаются исключить

неконтролируемый фактор из общего расклада. То есть попробуют меня убрать.

– Элин...

* * *

– Где у нас пистолет?

– В ящике, – недоуменно отозвалась она.

– Пошли, покажешь.

Пистолет у нас лежал в спальне, в ящике, который был замаскирован под книгу и стоял среди книг. Я остановился у входа, показал глазами – доставай.

– Что-то случилось? – поняла она.

– Доставай, доставай.

Элина сняла книгу с полки, она раскрылась, и пистолет чуть не выпал, но не выпал. Это был Sig P226, но не немецкий, а китайская копия. Их у нас делали в травматическом варианте, а как началось – переделали обратно в боевой. Отделка у китайца, конечно, хромает – но так ствол надежный и сделан качественно. Китайское оружие вообще лучше, чем о нем думают, оно лучше, чем, к примеру, турецкое, потому что в Китае оружие производят только государственные компании и по военным стандартам. Те же чинарки – китайские М4, которые появились перед этим самым, ничуть не хуже родных. Кучность ниже – но это потому, что ствол хро-

мированный, а так – все в порядке там.

И СИГ – крепко сделан.

– Разряди.

Элина сделала то, что я сказал – выбросила магазин и патрон из патронника. Пистолет встал на затворную задержку.

– Положи на полку.

* * *

– Давай так. Я бросаюсь на тебя, ты должна успеть схватить и выстрелить. Потренируемся, ладно?

В ее глазах появился страх – тот самый, которого не было уже давно.

– Зачем?

* * *

– Что-то случилось?

– Сядь сюда. Сядь, сядь...

* * *

– Помнишь, что я тебе говорил? Когда мы первый раз с тобой поехали на стрельбище.

– Помню...

– Повтори.

– Первое, что я должна уметь, – выстрелить в человека.

– Правильно. А второе?

– За счастье всегда надо платить...

Она вдруг задрожала, уткнулась мне куда-то в подмышку.

– Не хочу... не хочу... не хочу...

А я – хочу? Да жизнь – тварь такая, заставляет...

Такова жизнь...

Бывшая Россия, Ижевск

Девятьсот восемьдесятый

день Катастрофы

Утром за мной заехала заводская машина. Я обычно не злоупотреблял, пользовался своей. Но тут надо было.

Если вам нужна информация – одни из тех, кто ее дадут, – водилы. Это отдельная каста еще с советских времен, по спайке сравнимая с рыбаками. Водилы часто подрабатывают таксистами, или просто «калымят», и в этом качестве слышат то, что слышать им не стоит. Да и просто многие в машине, не думая, развязывают язык.

С другой стороны – водилы тоже люди, и если к ним относиться как к людям, а не подай-почухай-пошел вон, – они ох как могут быть полезны. Я вообще стараюсь нормальные отношения поддерживать, мало ли когда пригодится. Как меня еще с юности выучили, если есть возможность доброе дело сделать – сделай. Никогда не знаешь, когда пригодится.

За рулем был Витя, а я не раз ему в путевках лишний километраж отмечал. От завода не убудет, а человеку приятно. А Витя еще и в такси подрабатывает. Да, у нас и такси сохранилось – верите?

– Дим.

Он настороженно глянул в зеркало заднего вида.

– Я слышал, в городе стрельба была.

– Была, – неохотно ответил он, когда мы поворачивали на Карла Либкнехта.

– И с чего так зарубились?

– Бандиты.

– Это я и в газете могу прочитать. А люди что говорят?

* * *

– Говорят, что кто-то что-то не поделил сильно. Пригласили перетереть, но до места не доехали – там их и постреляли.

– Кто же стрелу в центре города забивает?

– Как раз в центре и забивают.

Витя помолчал и продолжил:

– Разговор идет за то, что те, кто ехал, – стволы на посту ГАИ оставили. Потом их и постреляли. А потом стволы в машины подкинули. Не по-человечески это.

Опа...

А ведь похоже на правду.

– А кто отвечать теперь будет?

– Мы и будем!

– Это с чего? Такие темы кто-то конкретный мутит, не может быть, чтобы от города, а тем более от республики мутка шла.

– А кто разбираться будет?

В общем-то верно. Никто не будет. Проще – огульно обвинить всех...

Производства на «Ижмаше» – еще с советских времен носят кодовые обозначения, оружейное называется «производство 100» или сотка. Автомобильное, например – 300, мотоциклетное – 400, угробленное металлургическое на Воткинском шоссе – 700, а специальное, производящее от ракет и беспилотников до ножей из спецстали, – производство 800. Сотое производство непосредственно граничит с «Ижсталью» и имеет собственный АБК. К нему надо идти через бывшую угольную, пятую проходную. А нужные мне люди сидели там, где в советские времена находилось мотоциклетное конструкторское бюро. Кстати, интересный факт – «Аксион», который считается производителем мотоциклов и именуется «мотозавод», на самом деле мотоциклы не производит, и к «Ижмашу» он никогда не относился. Зато именно на «Аксione», а не на «Ижмаше» был сделан первый опытный «АК-47».

Но это так, к слову...

Не заходя в свою депутатскую приемную, я как раз прошел в угольную проходную, записался на прием к директору на вторую половину дня, после чего двинул в отдел подготовки производства. Это как раз те люди, которые занимаются освоением нового, там есть и логисты, и технологи. Вместе с ними мы двинули на четырехсотую площадку осматри-

вать то, что осталось от мотопроизводства, и прикидывать, как мы расставим станки и куда.

Четырехсотка выходит на улицу Телегина и отличается громадным АБК – настолько громадным, что в нем можно разместить все службы завода. В свое время этот завод был крупнейшим производителем мотоциклов в стране и одним из крупнейших в мире. Окончательно умер завод в 2008 году – спрос на мотоциклы в СССР поддерживался нищетой населения и дефицитом автомобилей. Как только автомобиль стал доступен – мотопроизводство кончилось.

Тем не менее остался громадный комплекс с собственной ж/д веткой и фундаментами под станки, к счастью, их не успели разломать. Единственное, чего тут стоило опасаться, – это крысы. Я вообще, как приехали, подумал – зря мы голяком идем, вот куснет сейчас крыса – и поминай как звали, или конечности лишишься, или пипец котенку. Немногочисленные арендаторы мрачно смотрели на нас, понимая, что, возможно, придется искать новое место.

К счастью, в составе группы оказался один мужик – Анатолий Михалыч его звали – он как раз занимался ликвидацией четырехсотки и завод знал. С ним было проще – он досконально знал, где можно поставить станки, как подвести питание, где остались балки...

Место там темное, мрачное, во многих местах – переходы в АБК и обратно – там в АБК целые этажи были отданы под раздевалки и душевые. Мы как раз решали, как выводить

линию упаковки готовой продукции (деревянные коробка тоже будем делать сами), как вдруг я услышал негромкий, но знакомый свист, повторившийся два раза.

Сделав вид, что ничего не заметил, я через пару минут скривил рожу.

– Мужики... без меня, я щас...

Никто лишних вопросов задавать не стал – прижало человека. Дело житейское.

Мешок ждал меня как раз в переходе. Я знал, куда он идет – к столовке. Он был одет не в форму, в гражданское. Чего меня удивило – в руке он держал «стечкина».

– Здорово...

Я покосился на пистолет.

– Здорово. Паранойя косила наши ряды?

– Не, по делу это.

– Сань, я по твоему делу проходить не собираюсь.

– Новосельцев тебя ждет.

– Где?

– Через дорогу.

Я прикинул – через дорогу «Ижметалл» и бывший «Удмуртлифт», а дальше – старая грузовая станция, насколько я знаю – раньше тут и был ижевский вокзал. Место бандитское насквозь, в «Удмуртлифте» раньше заседал смотрящий по Удмуртии Касим. Пока не расстреляли его – отсюда тоже недалеко, на набережной, на повороте. Я в тот момент в яхт-

клубе был, на другой стороне, и выстрелы эти слышал.

Но интересно.

– Ладно, пошли.

Прошли коридором, вышли через мертвую проходную, перебежали дорогу. Тут как раз мост начинается, а еще в свое время сюда автобус ходил. Пока не накрылось все...

– Мешок...

* * *

– Че происходит, а?

– Новосельцев объяснит.

– А верить-то ему стоит?

– Нормальный мужик.

– Отвечаешь?

– Отвечаю.

– Ну-ну...

Новосельцев ждал на путях. Он был один, только в отдалении стоял его джип. Дверь открыта, не видно никого – даже водилы. Новосельцев был в штатском и без оружия.

– Добрый день, – первый поздоровался он, признавая то, что ему от меня надо больше, чем мне от него. По неофициальному правилу первым здоровается тот, кто младше по должности, званию или месту в неофициальной иерархии.

Я молча кивнул.

– Пройдемся?

Мы неспешно пошли к путям.

– Александр Вадимович, – сказал Новосельцев, – я знаю, что у вас есть неофициальные контакты с руководством УФСБ.

– Есть.

– Я бы хотел...

Новосельцев несколько секунд молчал, подбирая слова, потом сказал как выплюнул:

– Сдаться...

О как. Я посмотрел вдаль... отсюда был виден пруд, высокие сосны на берегу. Он был выкопан вручную – крупнейший в России пруд, почти озеро.

– На каких условиях?

– Я рассказываю все, что знаю. В ответ меня освобождают от уголовной ответственности за все и назначают... ну хотя бы директором колхоза или леспромхоза. Мне все равно. Главное – не в городе.

– Справитесь?

Новосельцев посмотрел на меня, явно не ожидая такого вопроса. Потом невесело усмехнулся:

– Справлюсь. Я ведь деревенский, батя бригадиром был. Решил меня в город отправить, поступать – только что в школу МВД и поступил.

Себе на беду, похоже.

– Бойня на Воткинском – ваших рук дело?

– Нет. Их.

– Кого – их?

– Есть группа. Она еще до этого самого занималась всякими делами. Гнилыми. Это еще с девяностых идет. Они работали на кого-то в Москве, в министерстве. Сейчас сами по себе.

– Они убили Алексеева?

– Да.

Полковник милиции Алексеев, заместитель министра внутренних дел республики, был убит вместе со всей его семьей девятого октября девяносто четвертого года. Ночью киллеры вышибли дверь и ворвались в квартиру, поливая спящих людей автоматным огнем. Убили восьмерых, в том числе и полковника Алексеева. Не щадили никого – били по женщинам, по детям.

Дело раскрыли быстро – был арестован зять полковника Алексеева, действующий сотрудник ОМОНа. Он тоже был на квартире – но по непонятным обстоятельствам остался в живых. Его пристегнули к банде Мальцова – банде рэкетиров и киллеров. Всех их быстро схватили и осудили троих к расстрелу, остальных – к разным срокам. Мальцов первоначально заявлял, что они не думали, что в доме будет столько людей, и намеревались убить одного Борисова, зятя – но объяснение было диким (хотя бы – если собирались убить Борисова, то почему именно он и остался в живых, а остальные все были убиты), а на суде он и вовсе от всего отказался.

Зять полковника Алексеева, по фамилии Борисов, отсидел свой срок, вышел и почти сразу снова сел за групповой разбой.

Дело было сомнительным с самого начала, я это помнил. Оно вело к такой грязи, о которой не хочется говорить, которая страшна даже на фоне нынешних невеселых времен. Борисов был из ОМОНа, этот след ведет к печально известному Сергееву, первому начальнику ижевского ОМОНа, который жестоко убил пятерых подростков и потом при сомнительных обстоятельствах покончил с собой. Он ведет к Богданову, начальнику УГРО, которому «в шутку» выстрелил в голову, играясь с оружием, другой омоновец. Богданов – был сподвижником полковника Алексеева и не верил в официальную версию его смерти. Тогда во время пьянки в санатории МВД один из сотрудников ОМОНа просто достал пистолет и выстрелил Богданову в голову. Как он потом объяснил – это была «неудачная шутка».

По неизвестным причинам полковника Алексеева не наградили посмертно, его фамилии не было на доске погибших при исполнении сотрудников МВД.

Я знал эту грязь краями – но знал. Как знал и то, что в республике что-то осталось... какие-то структуры, которые остались с тех времен.

– Мне нужны имена.

– В обмен на помилование.

– Так не пойдет.

– Это мое условие.

– Вас можно просто арестовать.

– В камере я не проживу и суток, не успею дать показания.

– Даже в фээсбэшной?

– В любой.

Я выдохнул.

– Хорошо, пока без имен. Что они хотят?

– Хотят взять власть, устроить переворот.

– Зачем?

– Как зачем? Жить. Как в Ульяновске, как в Самаре живут.

Ясно.

– Почему забили колонну на Воткинском шоссе?

– Чтобы создать прецедент. Они хотят разобраться с нами руками вора. Потом выживших с обеих сторон зачистят.

– В Камбарке они засели?

Новосельцев с интересом посмотрел на меня.

– Вы и это знаете? Да, они.

– А вы-то зачем в это влезли?

Новосельцев невесело усмехнулся:

– Зачем? Попробовал бы я не влезть. Пацаном совсем был, только из школы милиции вышел. Избил задержанного. Алкаш какой-то, в обезьяннике буянил. Мы как раз сидели в дежурке, газ-квас. Сказали – пойди, разберись. Несильно избил вроде, а он на больничке на следующий день умер. Мне сказали: или ты с нами, или в Тагил поедешь. До меня потом

дошло – они после меня этого алкаша добились, чтобы меня вовлечь.

– Дочь главы Камбарки пропала – знаете, где она?

Ответить Новосельцев не успел – раздался шлепок... неприятный такой, глухой, мокрый шлепок – и Новосельцев упал. А рядом с ним упал и я – только живой. И откатился за рельсы, которые были совсем рядом, когда пуля ударила по бетону.

Твою мать!

Третья ударила в рельс, но не пробила.

– Мешок, ложись! – заорал я.

Застрочил «стечкин» – это дало мне возможность вскочить и в два прыжка укрыться за стоявшим на путях старым товарным вагоном. Выхватил пистолет – предвидя неприятности, я носил с собой тяжелый, с длинным магазином спортивный «Грач».

С эстакады бьют!

Решение пришло мгновенно – я закатился под вагон, ударился локтем о грязный щебень – больно! Стрелок был неосторожен, он высунулся из-за эстакады чуть ли не по пояс, была видна винтовка. Он целился в мою сторону, но меня не видел, видимо, оптику поставил на кратность. Думал, что я либо справа, либо слева от вагона буду, а я вот так.

До стрелка было больше ста метров, для пистолета много, но я открыл беглый огонь и пятым выстрелом поразил цель – стрелок выронил карабин и полетел вниз с эстакады.

К моему удивлению, высунулся еще один, без оружия, но он был там же, где стрелок – по-любому гад. Я выстрелил и попал с первого же выстрела – видел, как от головы что-то отлетело, а человек упал за ограждение эстакады.

Всё?

Матерясь, начал выбираться, а когда выбрался, увидел Новосельцева. Он уже встал и так и шел на меня – с глазами, в которых не было ничего человеческого, и вытянутыми руками, рубашка на груди вся кровью залита – били разрывным. Понятно, что никаких показаний он не даст уже.

– Извините...

Я выстрелил Новосельцеву... точнее зомби, который когда-то был Новосельцевым, в лицо, и тот упал и умер уже навсегда.

Наскоро обшмонал карманы, все, что было, забрал, но не было телефона. Плохо.

Взвыл двигатель, я вскинул пистолет, но это был Мешок на своем дурацком ярко-красном «Порше». Почему-то это меня успокоило – если бы он был замешан с Новосельцевым – он скорее всего в одной машине с ним приехал бы

– Цел?

– Валить надо!

– Давай. Только двухсотых посмотрим.

Тот, что упал, был еще жив, но жив уже не нормальной, человеческой жизнью – пришлось добить. Карманы пустые

– ни сотового, ни документов, ничего, только магаз запасной. Сама винтовка валялась рядом – «Вепрь Супер Спорт», ствол от цевья закрыт глушаком на цанговом креплении. Прицел – китаец, большой кратности – на нем он и погорел. Похож на татарина внешне...

Исполнитель. Взять с него нечего – курок.

На всякий случай пальцы с него катанул – просто на лист бумаги. Побежал к газующему «Поршу».

– Давай теперь на эстакаду.

На эстакаде «Волга», рядом с ней мужик – голова разбита, лужа крови медленно расплывается – вишневая такая. Но лежит на спине и рожу видно.

– Это же водила его!

Следовало ожидать. Наверняка Новосельцев лишнее болтал в машине при водителе, а может, просто давно был в подозрении. И когда он сел за руль сам, отправив водилу, водила позвонил хозяевам. Те чухнули и послали исполнителя, а водила поехал с ними, чтобы опознать. Кстати, а почему менты не едут, несмотря на пальбу – а?

– Шнырь, его кто, знаешь?

– Гришко.

– Где живет?

– В центре, в старых домах.

– Поехали...

«Порш» рванул с места, разворачиваясь. Правильно, лучше через завод не ехать, не надо. Мы пойдем другим путем.

Точнее – поедем. Зазвонил телефон, я отбил и начал разбирать его, доставая аккумулятор. Симку тоже достану.

Звездец теперь. Только непонятно кому. Но понятно, что игра теперь идет по-взрослому, без дураков...

Ментов почему-то мы так и не встретили. А пока едем, расскажу вам, кто такие шныри и почему они так опасны.

Шнырь – это такая мразь... человек, но одновременно с этим – мразь. Конченная чаще всего. Это прилипала при большом начальнике.

Шнырь занимает должность зам зава чего-нибудь или завхоза, или еще какую-то подобную – но в ментовке иногда и оперские должности занимают, чем вызывают лютую ненависть нормальных оперов. Но то, какую должность занимает шнырь, не имеет никакого значения, потому что шнырь – это слуга при хозяине. Как бы ни называлась его должность.

Шнырь – мастер на все руки. Он не выполняет секретарскую работу, он немного выше. Если хозяин куда-то едет или летит, секретарша заказывает билеты и гостиницу, а шнырь организует развлекательную программу, сообщает принимающей стороне, какие подношения и какие развлечения предпочитает хозяин. Шнырь всегда помнит дни рождения всех членов семьи, а также любовниц и нужных людей, всегда напомним, купит подарки. Если хозяин хочет с кем-то посидеть-поговорить, шнырь организует поляну. Если хозяин организует какое-то мероприятие, шнырь выполняет черновую

работу, сам он не присутствует, но обязательно проверит, хватает ли стульев, минералки, на месте ли раздаточный материал и тому подобное. Если хозяин задумал лепить левую кандидатскую диссертацию – шнырь все это организует, находит, кто будет это писать, расплачивается от имени хозяйна и контролирует сроки. Шнырь при необходимости сядет за руль машины, отвезет тещу в больничку и договорится с врачами, организует обслуживание по первому разряду, где надо проплатит. Шнырь всегда знает, где хозяин и что надо врать жене, если та позвонит. Шнырь всегда покупает на свое имя телефон для хозяина, потому что серьезные люди сотовый или вообще не носят, или стараются иметь при себе как можно реже. Шнырь всегда передает незаконные распоряжения оперсоставу от имени хозяина и организует их выполнение. Через шныря чаще всего передают взятки, и иногда на шныря записано имущество хозяина. Через шныря – можно попробовать решить вопросы, которые нельзя решить в официальном порядке.

Шнырями становятся или родственники из деревни, устроенные из милости, или люди, у которых нет самоуважения. Такие, к сожалению, есть, и их становится все больше, а не меньше.

Шнырь имеет левый заработок из трех мест. Первое – если хозяину что-то надо купить, он всегда оставляет сдачу шнырю, это его законный профит. После стола шнырь всегда собирает то, что не съели и не выпили, и уносит домой –

тоже его кусок. Наконец, если надо, чтобы хозяин подписал или принял – шнырю платят заинтересованные лица.

Понятно, что все нормальные люди шныря презирают – и шнырь в ответ ненавидит их. Но почти всегда шнырь ненавидит и презирает и хозяина, но никогда этого не покажет. Шнырь видит хозяина с самой неприглядной стороны и не может не думать, что он на его месте справился бы куда лучше. Потому шнырь чаще всего на хозяина стучит, и если надо собрать компромат на большого человека – чаще всего выходят именно на шныря. И если даже шнырь изначально предавать не собирался, он обязательно предаст, потому что нет ни одного шныря с твердым характером. Это оксюморон, как горячий снег. Шнырь всегда предаст.

Именно поэтому у меня, несмотря на мое депутатство, шныря нет и никогда не будет. В принципе я того же Мишку могу припахать, мало ли я для него сделал... но повторяю – я никогда этого не сделаю. Себе дороже потом обойдется.

А сейчас мы едем к шнырю Новосельцева. Потому что он не может не знать, что произошло с хозяином, что происходило с ним последние дни и, возможно, что произошло на Воткинском шоссе. Нам надо поспеть – пока не успели другие...

Пока ехали, Мешок успел прозвонить – Гришко утром на работу не выходил. Оно и понятно...

Жил он в старых домах, сталинках. Это козырное жилье,

потому что оно изначально строилось в расчете на печное отопление, и дымоходы сохранились. А значит, можно жить и сейчас, и жить неплохо круглый год. Я, например, в своей квартире живу только в теплое время года, а зимой мы перебираемся на дачу, где можно печку топить. Почему круглый год не живем на даче? Да дичать как-то неохота.

Раньше бы в пробках стояли, а сейчас домчали быстро – какие сейчас пробки. Дворы, в которых при Сталине работали фонтаны, а при Путине там не протолкнуться было от машин – сейчас были пусты, грязны, у стен – черная грязь до второго этажа – угольные кучи. Да, вон «КамАЗ» разгружается.

– Мешок...

– Чо?

– Если ты с Новосельцевым в одно дело замазан – говори сейчас. Я тебя вытащу, через ФСБ, если корешей своих сдашь.

– Да какое дело?

– А какого хрена ты вечно с Новосельцевым гужуешься?

– А с кем еще гужеваться? Он начальник мой. С им и подработать можно.

– Подработать как?

– Отвезти там чего. Съездить.

– Отвезти бабло?

– Ну.

– А за что бабло – знаешь?

– Мое дело малое. Он начальник, что я – спрашивать буду?

– Придурок! – психанул я. – А я бы вот спросил! Вот так на торф на пожизненку и едут! Тебе что, работа жизни дороже?! Как был debil, так и остался.

Мешок – мудака. Я это точно знаю. Еще с тех самых пор, когда он какую-то шалаву в дом привел, а потом рассказал об этом жене. Не она его поймала. А он рассказал.

Что самое удивительное – жена его после такого «признания комиссара полиции прокурору республики» из дома не выставила. И на развод не подала. А надо было бы. Хотя ему все равно – что в лоб, что по лбу.

– Ладно. Потом поговорим за это. Идем, берем его, если живой, ко мне на гараж везем и колем. Для меня есть что?

– Ружье возьми.

Мешок взял короткий автомат. Я вооружился ружьем. Ружье знакомое. «Сайга-12-033», короткое, штурмовое. Непривычно легкое после тяжелого «Вепря» – но органы управления точно такие же. Ружье плюс пистолет – хватит.

– На каком он живет?

– Не знаю.

Еще один плюс в копилку невинности. Был бы в банде – наверняка знал бы.

– Номер хоть знаешь?

Мы выбрались из машины, побежали к подъезду. Дети, игравшие во дворе, заметили нас, некоторые резко подорва-

лись домой. Это правильно. Это очень правильно.

Дверь открыта была – сейчас электрозамки не работают нигде. Пошли наверх, не как при штурме – но будучи настороже. Чего я боялся – если банда там – столкнемся на лестнице. Тогда все секунда решит – кто первый на спуск нажмет, тому и жить.

Но банды никакой не было. Только подъезд – без лифта и потолки высоченные. Все без исключения двери стальные, тут и до всего этого – козырные люди жили. А сейчас и тем более – что старое здание МВД, что СИЗО на Базисной – в шаговой доступности.

– Эта?

– Она.

Я скептически посмотрел на дверь, потом постучал – звонки не работали сейчас нигде, потому привыкаешь стучать. Постучал еще раз – не открыли, но мне показалось, что в квартире есть кто-то...

– Вскрыть есть чем?

Мешок как заправский мент из уголовки – достал набор отмычек...

Как мы живы остались – сам не понимаю...

Свезло просто – моя привычка обязательно досылать патрон в патронник и снимать с предохранителя, в городе этого нельзя делать – но я обычно не в городе нахожусь, да и корочки депутатские желание проверять отбивают напрочь.

И свезло еще то, что дверь была перевешена наоборот – она открывалась справа налево, а не слева направо.

Мешок справился с замком, нажал на ручку и... его отшвырнуло в сторону и прижало дверью к стене. А на площадку вынесло... даже не знаю, что это было – как обезьяна.

Я стоял ниже по лестнице, а тварь эта – она на какой-то момент растерялась – Мешок был совсем рядом, его прикрывала дверь, причем стальная дверь, до него хрен доберешься. Я был ниже – но до меня добраться надо, и еще перила мешали. Ей надо было сменить на девяносто градусов направление броска.

И она попыталась. Но прежде чем она это сделала, я, уже готовый из-за стрельбы на базе «Удмуртлифта» к самому худшему – вскинул ружье и открыл огонь.

Мешок зарядил правильно – картечью. Сорок граммов, не меньше. И я всадил почти в упор четыре заряда, прежде чем тварь прыгнула на меня и сшибла с ног.

Успел мало – только то, что между ней и мной было ружье. На мне куртка-флиска была, изнутри кевларом тонко подбитая – но это считай, что ничто. Но и тварь была, видимо, смертельно ранена, гнилая, вонючая грязь... не кровь, а именно грязь – обдала всего меня, передняя лапа ее была почти полностью оторвана. Но она была еще жива и еще что-то пыталась сделать. Гниль была везде, от нее просто несло... но тут Мешок, пришедший в себя от удара об стену – трижды выстрелил в тварь сзади из своего «стечкина». Из

«Грача», наверное, пробил бы и меня как минимум ранил, но старый добрый «стечкин» сделал свое дело. Тварь дернулась и сдохла...

Что дальше было – почти не помню ничего. С четвертого прибежал мужик с дробовиком, вдвоем с Мешком они стащили с меня тварь и подняли меня на ноги. Спина болела адски – я на ступеньки приземлился. Как только я принял вертикальное положение – меня сразу вывернуло... мужик тот едва отскочить успел. Рвало конкретно, все, что было, выблевал вместе с половиной кишок.

– Саня... цел...

– Братан... тут... останься...

Я сделал шаг... потом еще один... болела спина, болело все тело, от меня несло, как от последнего помойного бомжа – но я понимал, что мне надо валить отсюда.

– Э, мужик... ты куда...

– Спокойно... – проблеял я, – полиция...

Вывалился наружу... какая-то женщина, шедшая по тротуару, шархнула в сторону... хорошо, что не пристрелила.

Я прислушался... сирены. Все, хана...

Побежал вниз, по двору... если это можно было назвать «побежал» – каждое движение отзывалось стреляющей болью в хребтине... в заднице... во всем теле. Свернул... пробежал через калитку... по тротуару... и вывалился прямо на улицу Пушкинскую, в неположенном месте. Визгнули тормоза, кто-то послал меня по матушке... плевать, на все пле-

вать, как пел Юра Хой. Перебежав Пушкинскую, я ломанулся в дверь управления ФСБ всем телом. Не открылось, я снова упал. Тогда открылось...

– Стоять!

Двое. У обоих автоматы.

– Грача!

* * *

– Грач! Старший... опер! Тайфун! Тайфун!

Не знаю, как меня не пристрелили... но хорошо, хоть втащили в предбанник и закрыли дверь. И хорошо, что Димыч был на месте – увидев меня, он дар речи потерял.

В управлении ФСБ – остались еще со сталинских времен душевые... вот в одну из них, чью-то начальничью, Димыч меня и завел. Кряхтя и матерясь, я кое-как окатил себя из душа... хоть немного полегче стало.

– Дим... – голосом умирающего лебедя проговорил я, – на завод звякни, скажи... пусть... сменку с кабинета возьмут. Горка черная... они знают.

Потом я прилег в кабинете, привели фельдшера – пожилого такого дедка. Тот меня пощупал и заключил, что если я бегаю, то позвоночник у меня не сломан... и ребра, похоже, тоже целы. Но вот ушиб сильный.

– Новокаином... обколите... пока.

Доктор поцокал языком.

– Вам бы лежать... с такими травмами.

– Колите, доктор... колите...

С дубовой, ничего не чувствующей спиной – я предстал перед полковником Бекетовым, старшим по званию сейчас в этом здании. Эзоповым языком рассказал ему про стрельбу на «Удмуртлифте», умолчав пока про роль Мешка. Якобы Новосельцев сам на меня вышел.

Бекетов выслушал... правда, его выражение лица ничего хорошего мне не предвещало.

– То есть вы застрелили Новосельцева, – уточнил он.

– Новосельцева застрелил снайпер с эстакады. Он обратился. Я его упокоил, – терпеливо пояснил я.

– Но в его голове – пуля с вашего пистолета.

– Да, а в груди разрывная пуля от карабина! – психанул я. – Экспертизу надо сделать...

– Если сделают...

– То есть?

– Новосельцев сказал вам, что готов называть имена фигурантов по преступной группе в самом МВД.

* * *

– Но ни одно имя не назвал.

– Он хотел защиты.

– Но ни одного имени он не назвал, так?

– Не успел...

Бекетов помолчал.

– К нам в дверь уже стучали. Кто-то вас видел.

– И вы?

– На хрен послали, – ответил Дима за полковника.

– Я спецсубъект, – устало сказал я, – полиция в отношении меня проводить следственные действия не имеет права. Только с согласия Президиума Горсовета.

– Думаете, сложно получить?

– Думаю.

Бекетов скептически покачал головой.

– Поставьте себя на наше место. Вламываетеесь вы. В дерьме в самом прямом смысле этого слова... говорите, что убили полицейского. И не просто полицейского. Бросаете обвинения, но не называете ни одного конкретного имени. На нашем месте вы как бы поступили?

Я устало прикрыл глаза.

– Завел бы ДОП¹. Это ваша работа.

– Мы знаем, в чем заключается наша работа.

– Василий Викторович, – осторожно сказал Димыч, – Александр Вадимович в паникерстве никогда замечен не был. И основания для проверки тут есть.

Молчание прервал телефонный звонок. Бекетов снял

¹ Дело оперативной проверки.

трубку, послушал.

– Его у нас нет. Нет, вы ошиблись. До свидания...

Положил трубку.

– С Воткинского шоссе?

Бекетов покачал головой:

– С Госсвета.

Окольными путями меня вывели на стадион «Динамо» и дальше – в проулок, где меня подхватила заводская машина. Прямо в машине я переоделся. Злость кипела внутри... на себя... на все.

Опасная пружина была сжата до предела.

– Слушай, Вить, – сказал я. – Ты меня ведь у сотого подобрал. У меня была встреча с директором, так?

Витя ухмыльнулся:

– Так.

– Поехали.

– Куда?

– В больничку. На Воткинское шоссе.

Первая республиканская клиническая больница, главное лечебное учреждение Удмуртии, а теперь и всего анклава, была на Воткинском шоссе, можно сказать, что за городом. К счастью, у меня там был блат в виде Элины.

Блат, а также депутатские корочки – способствовали тому, что меня поставили под рентген. С рентгеновскими пленками сейчас – сами понимаете, печально. Рентген пока-

зал, что сломанных ребер нет. И то слава Богу. Но спину я сорвал сильно.

Устроили меня в палату. Одиночную, по благу. Пришла Элина – хорошо, что она меня не видела в том виде, в котором я заявился в управление ФСБ на Пушкинской. Я ей коротко и без подробностей рассказал, что произошло. Судя по ее лицу... не понравилось ей все это. И я ее понимаю.

– Осуждаешь?

Она головой покачала.

– Бросить бы тебе меня. Врача какого-то найдешь.

Она отрицательно покачала головой – снова.

– Почему?

– Потому что.

Я вздохнул.

– Дура ты. Как есть.

Время не ждет.

И мы как будто бы рады.

Травим друг друга изысканным ядом.

Вслух говорим то, что надо,

А себя оправдать – каждый повод найдет.

Группа «Чайф»

Вечером появился Димыч. С новостями.

– Короче, в квартире этой я не был, – рассказал он, – но разговаривал с человеком, который был. Выходит все вроде так – глава семейства где-то был укушен, пришел домой, об-

ратился и съел семью. Потом пришли вы – он, соответственно, атаковал.

Я прикрыл глаза. Значит, ради создания правдоподобной картины они расправились со всей семьей.

– Короче, ни прокуратура, ни ментовка возбуждаться не будут. Это сто процентов. Им головняки ни к чему.

Да. Все правильно. Семью, наверное, убили так, чтобы они не смогли обратиться и стали кормом для монстра. Я такое в Вятском крае видел – там для таких целей обычно убивали ударом длинного шила в ухо, или в глаз, или в затылок. Уголовнички баловались – они как раз монстров откармливали – помните, я рассказывал, как мы их вешали? Вот за это и вешали, иногда по несколько десятков человек разом. Потом просто убили самого фигуранта и оставили рядом с запасами мяса.

Мрази.

– А вот те пальчики, которые ты сумел накатать, дали результат...

Димыч с видом победителя раскрыл лист бумаги, напечатанный на старом, дурном эпсоновском принтере. У нас они на вес золота...

– Коваль, Илья Игоревич, отслужил в ВДВ, затем поступил в полицию, специальное звание – капитан полиции, шестая ОРЧ. Уволен из органов по недоверию. Приговорен решением Набчелнинского горсуда к семи годам – тяжкий вред, повлекший смерть. Отбывал в Вятских лагерях, не в

Тагиле.

И – выжил. То, что его не утопили в параше и не положили под молот, говорит о том, что не мент он был, а крыса. Продажная тварь.

Интересно, он киллер или просто тот, кто оказался под рукой?

– Слышал про него когда-то?

Димыч отрицательно покачал головой.

– А документы на него у нас выдавались?

Димыч невесело усмехнулся.

– Что, всю картотеку перерывать?

Верно. А также верно и то, что документы, как и раньше, выдает МВД, а не Минюст – его слили с МВД, чтобы бюрократию не разводить. И проверить, кому и что они выдали... ну вы поняли, да?

– А водила?

– А что – водила?

Правильно. Водила, он и есть водила, с него взять нечего. Понятно, что он предан должен быть как пес, иначе его и держать не будут.

– У тебя вообще ДОР² открыто или нет?

– А сам как думаешь?

Да... много амбиции, да мало амуниции. Вроде как только начинали, кто-то высказывал опасения, что так мы дойдем до нового, тридцать седьмого года. Расстрелы ввели, трудла-

² Дело оперативной разработки.

геря. Но нет, не дошли.

Тогда хоть и кровь рекой лилась, но тогда было то, чего сейчас и в помине нет – каждый, ну или не каждый, но очень многие ощущали ЛИЧНУЮ ответственность за судьбу и будущее страны, за то, какой она будет. Ведь даже те троцкисты-уклонисты, которых расстреливали, и вместе с ними много невинных расстреляли – они ведь это не ради денег, они это тоже ради страны, просто они ее будущее видели по-иному. И действовали. А сейчас все ради денег. Даже на краю пропасти они хотят устроить переворот и прийти к власти не ради того, чтобы воплотить в жизнь какие-то свои идеи о жизнеустройстве. Они хотят уничтожить конкурентов и хапать, хапать, хапать...

А Димыч – он нормальный, правильный. Но за идею на амбразуру не полезет.

– Может, тебе охрану тут поставить?

– Чтобы она меня и пристрелила?

А хотя...

– Знаешь, поставь. Но внизу. Не у самой палаты. Здесь не нужно. Сам справлюсь.

Димыч покачал головой, но ничего не ответил.

– Книжку тебе принес, как ты и просил.

– Спасибо.

Когда Димыч ушел – я открыл книжку. Ту самую, в которой лежал китайский Sig.

– Крузер соседа прошел.

– Принято.

Майор полиции Белый положил рацию на приборную панель машины «Скорой помощи». Машина была настоящей. С настоящими номерами. Рядом был водитель и еще двое оборотней в погонах – сидели сзади.

Путь каждого из них от честного мента до оборотня в погонах был различен – одинаков результат. Кто-то из них изначально шел в систему, чтобы хапать и издеваться над людьми. Кого-то втянули и замешали коллеги – приемов для того существовала масса, примером был тот же Новосельцев, которого старшие товарищи толкнули на избиение задержанного, а потом поставили перед выбором. Кто-то совершил должностное преступление и таким образом был втянут в банду – или делай, что говорим, или...

Проблема была в другом – такие группировки существовали и в других регионах и показывали, что что-то было не так в самой системе МВД.

В США существует федеральная полиция – ФБР, не привязанная к какому-то конкретному региону, и есть местная. Причем жители могут выбирать – содержать муниципальную полицию, глава которой назначается мэром, или создать офис шерифа. Шериф, что важно, – должность выборная, как и должность судьи, шериф также ведет предвыборную кампанию, как, скажем, депутат. Понимая все соблазны, в

США приняли ряд законов, согласно которым до семидесяти процентов стоимости имущества, изъятого у преступников, – продается на аукционе, а деньги идут на нужды полицейского управления или службы шерифа, которые это изъяли. Более того, если, например, в каком-то городе служба шерифа работает плохо, а в соседнем хорошо – муниципалитет может заключить договор с соседней службой шерифа, чтобы та патрулировала и их город. Понятно, что работа службы шерифа оплачивается из местных налогов – но горожане, например, могут создать и создают добровольные народные дружины (*posse comitatus*) в помощь шерифу. Или выполнять какую-то работу в участке бесплатно – люди идут на это, понимая, что шерифу придется меньше нанимать людей и меньше будут налоги.

В этой системе люди понимают, что безопасность и порядок – это такой же товар, как и все остальное, и он стоит каких-то конкретных денег. Но с другой стороны – полицейские в нем, за исключением федов – наемные работники, они понимают, что какие бы отчеты они ни рисовали – если в городе будет бардак, то за плохую работу они будут просто уволены безо всяких выплат и пособий и на их место найдут других. Жители, идя на выборы и голосуя за кандидата в шерифы, понимают, что если в городе в следующие несколько лет будет бардак и разгул преступности – то виноват в этом не Барак Обама, а во многом они сами, потому что именно они выбрали такого шерифа. Необходимость переизбирать-

ся лишает шерифа возможности покрывать проделки своих подчиненных, потому что любой скандал с ними припомнят на выборах. Конкуренция заставляет лучше трудиться и не задираť цену, а тот факт, что кандидатом на должность шерифа может быть любой человек, не дает образовываться полицейской спайке. На должности шерифа претендуют люди с самым разным опытом – есть бывшие военные, есть бывшие агенты ФБР, есть бывшие служащие муниципальной полиции крупных городов...

Да, в этой системе есть свои слабые места – например, есть наполовину заброшенные города, налогов в которых не хватает, чтобы нанять шерифа, и именно в таких городах скапливаются отморозки всех видов. Но безусловно, сильное место этой системы – в ней очень сложно, почти невозможно создать систему круговой поруки, которая нашу полицию пронизывает сверху донизу. Находясь под прессом – прокуратура с одной стороны, требования начальства с другой, – менты научились прикрывать друг друга любой ценой. Потом «прикрывать» превратилось в «покрывать». И тот факт, что в последние годы перед этим самым финансирование и материально-техническое оснащение органов полиции значительно улучшилось, а зарплата – уже позволяла вполне неплохо на нее жить, – это мало что изменило. Потому что на осинке не родятся апельсинки. Раз начав, остановиться будет уже невозможно...

Майор Белый как раз и входил в одну из группировок в

системе МВД. Шеф ценит его, потому что знал – что бы ни поручить, все будет выполнено. Вне зависимости от того, насколько это соответствует закону.

Из четверых человек, находящихся в машине, – двое были настоящими – водила и санитар. Они настолько погрязли в делах, связанных с перепродажей дефицитных и реестровых лекарственных форм, в том числе и наркотических, что будут молчать, во что бы их ни втянули.

Сам майор знал, что погиб Новосельцев, и он оказался сукой – то есть искал возможность всех сдать в обмен, наверное, на то, что его не расстреляют. Такое – не прощают.

Гадом оказался и Гришко – он, оказывается, компромат на всех собирал. Причем и на Новосельцева тоже – его папка оказалась толще всех остальных. Когда стали семью убивать, он на коленях пощады просил, ревел. Нет, чтобы как мужику достойно уйти.

Гад гадом...

Папки Белый придержал. Мало ли чего... пригодятся. Шеф про них не спрашивал.

Может, пригодится – если начнут сливать уже его.

И вообще думать надо.

Он понимал, что дела пошли стремные – и как бы он ни служил, рано или поздно зачистят и его. Потому что знает много.

Лучи фар осветили стену гаражей, потом уперлись в морду «Газели». Ментовская буханка подъехала и останови-

лась, проблесковые включены не были.

Хлопнули двери. Из обеих машин вышли люди, поздоровались.

– Привез?

– Да.

– Точняк проблем не будет?

– Да точняк, нет у него никого. И бухой он в сиюю.

– Ты сказал. Тащи.

Из ментовской машины двое ментов вывели под руки сильно пьяного, явно опустившегося мужика. Он был пьян настолько, что не мог держать голову и что-то бормотал невпопад...

Белый надел медицинские перчатки, достал старый, китайский складник, раскрыл его и расчетливо ударил бомжа – раз, второй. Будучи ментом, он знал, куда надо бить, чтобы крови было много, но внутренние органы не задеть. Бомж застонал.

– Все, давайте его в машину. Погнали. И язык в ж... засунуть. Кто будет трепаться – у этих же гаражей потом найдут.

– Да поняли мы...

Молодой мент, который привез бомжа, понимал, что ничем хорошим это не кончится: коготок увяз – всей птичке пропасть. Но и пути назад у него тоже не было.

«Скорая» – с воем сирен проехала на территорию первой РКБ... понятно, что ее никто не стал проверять. Бригады

«Скорой» знают, что делают, может, человек умрет вот-вот. Потом еще больше проблем будет...

Подкатили к приемному... там уже была каталка. У каждого из санитаров на поясе был пистолет.

– Что тут?

– Да алкаш, блин. Думали, он нажрался в сисю, а у него ножевые. Вот...

Один из ментов показал следы крови на руке.

– Ясно, давайте его на каталку...

– Где он будет? Нам решать надо, возбуждаться или нет.

– У дежурного...

– Лады...

Двое ментов переглянулись. Потом набросили переданные из машины халаты, нацепили на лица хирургические маски и двинулись внутрь больницы. Универсальные ключи – теперь вся больница была разбита на отсеки с запираемыми решетками-дверьми как в зоне – им тоже передали из «Скорой» – у всех врачей они были...

Дежурный должен был быть на месте – но его, понятно, не было. Или дрыхнет, или бухает, или с медсестрами это самое делает. И записи, как раньше, не велось – системы наблюдения сняли, они в других местах нужны. Один из ментов – повернул к себе журнал, провел пальцем, нашел нужную запись.

– Четвертый этаж. Четыреста десятая...

Как идти – объяснять не надо было: они не раз бывали тут

по служебным делам, все коридоры помнили.

Дежурный на этаже был – но, мазнув взглядом по знакомым белым халатам, снова глаза закрыл. Тем более и ключи были – точно, значит, врачи.

У двери – капитан Березовец встал, чтобы не было видно, майор Белый достал «ПМ» с глушителем. Оружие было передельным, следы его вели в никуда.

Дверь не была закрыта – поддалась.

Только на кровати никого не было.

– Закрой дверь!

Белый со злостью огляделся... нет, тут не спрячешься. И аппаратура на хрен отключена.

Ушел.

– Ушел гад.

– Вряд ли далеко, он сильно, говорят, покоцанный был.

Надо дежурного на этаже спросить, он сто пудов знает...

Белый схватил подчиненного за плечо.

– Ты что, на торф захотел? Уходим!

Бывшая Россия, Ижевск

Девятьсот восемьдесят пятый день Катастрофы

На больничке я провалялся четыре дня, на всякий случай каждый день меняя палату и ФИО пациента. Все-таки хорошо, когда связи в больнице есть.

Через четыре дня меня выписали на амбулаторное, прописали натирания и дорсенваль – самое оно, сердце только так этот дорсенваль сажает. Еще Элинка откуда-то притащила повязку из собачьей шерсти – и туда же можно тряпку с мазью накладывать... бом-бенге, так, по-моему, называется. Вот в таком виде – я и вышел из больницы – работать, депутатствовать и, возможно, отмахиваться от пуль.

Первый день как раз ушел на разгребание депутатских запросов – хорошо, что девочки с приемной кое в чем помогли. Потом поехал в МВД и формально дал показания. Рассказал все, как было, за исключением Мешка – типа Новосельцев сам вышел на меня. Зачем? Я сказал, что у него были подозрения в связи со злоупотреблениями при закупках, и он просил помочь разобраться в заводской кухне.

Выстрел в Новосельцева я признал, но сказал, что он к тому времени был мертв и поднялся. Это любая самая примитивная экспертиза установит, тут скрывать нечего – при-

равнивается к самообороне. Человек после смерти в глазах права теряет все права.

Поверили? Понятия не имею, в любом случае связываться не решились. Судя по всему, попытаются замять. Замминистра снайпер убил – а следак совсем желторотый. Это как вообще так? А вот так.

Пошел к директору, на сей раз меня без очереди пустили...

Директора на «Ижмаше» – были разные. Легендой был Белобородов Иван Федорович, дважды Герой Соц-труда, еще до него был Новиков – он был директором всего два года, но затем – в течение пятнадцати лет был заместителем председателя Совмина у Косыгина – и завод помнил. Удмуртия тогда как сыр в масле каталась, превосходя все соседние регионы. Кто на завод в командировку приезжал – уезжая, святое дело – один-два круга сыра с собой. Сыра-то нигде нет, а в Чулке – это тогда главный продовольственный магазин города – свободно лежит, бери. Это потому, что у нас сельское хозяйство не заporоли, и не только промышленность поднималась – но и сельское хозяйство не бедствовало. Это давняя, кстати, традиция, еще в царские времена оружейники огороды и скотину держали, и потому большевиков в семнадцатом не поддержали – и так все устраивало. Но Ижевск, что характерно, стал Ижевском, каким мы его знаем, именно при советской власти.

А потом наступило запустение. В принципе ничего не

было бы плохого, если бы пришли на завод олигархи – по крайней мере хозяин не дал бы воровать. Но пришел Сельский. Пятнадцать лет он грабил государственное предприятие, разворовал все, что только можно было, – по заводу легенды ходили, как его сын ходил по заводууправлению с растянутой ширинкой и пьяный. А республику в это же время возглавлял Зайцев – профессиональный лжец, демагог, вор. Он действовал по принципу – пусть вокруг будут одни ничтожества, зато мне не будет альтернативы. Он угробил не только «Ижмаш» – он угробил всю промышленность республики. Не давая ничего приватизировать (при этом коммунистом он никогда не был), он делал это для того, чтобы сохранять когорту директоров – воров, верных только ему. И делал это, пока мог. И пока не поссорился с Сельским.

Парадокс – но Зайцев и Сельский – и уничтожили друг друга. Когда Медведев дал команду подыскивать на пост главы Удмуртии другого человека – Сельский решил, что пришел его час, и зачастил в Москву – его покровителем был выходец из питерской команды Клепкин, на тот момент – представитель президента в Северо-Западном округе. Об этом доложили Зайцеву, того это выбесило, и он приказал уничтожить Сельского во что бы он ни стало. Решил дело случай – на завод приехал Путин, тогда в ранге премьера. До этого на завод привезли для изучения трофеи с грузинской войны, в том числе пулемет «Негев». Сельский обнаглел до того, что приказал стереть с пулемета израильские клейма

и выставить его в линейке как продукцию завода. Зайцеву сказали об этом – понятно, что у Сельского на заводе было немало врагов, многие на его должность метили. Зайцев довел об этом до премьера, того это выбесило, и он приказал уволить Сельского в двадцать четыре часа. Его уволили, а меньше чем через год – арестовали. Дело довести до суда не успели – умер, ему за семьдесят уже было. В день ареста Сельского – на заводе многие праздновали.

Затем было еще два директора, затем, видимо, пришли к правильному выводу, что государство завод не вытянет, воровство в таком случае неистребимо, и решили поступить так же, как с ЗИЛом – отдать частному капиталу. Это дало результат, и довольно быстро – перед Катастрофой как раз завершили перевооружение и навели порядок с качеством – Сельский довел до того, что из десяти образцов условно качественными были от одного до трех. Перед Катастрофой – качество приблизилось к советскому уровню... хотя до него не дотянули. Не просто так – популярностью пользовались обычные «АК-74» лохматых годов, вот там качество – так качество.

Кстати, с перевооружением тоже были проблемы – нам пришлось в авральном порядке частично восстанавливать старые производственные линии, что в печь еще не пустили. Потому что обрабатывающие центры – работают до первой поломки, а дальше?

Сейчас завод был в собственности республики, настоящие

собственники так и сгнули где-то. Работал он также на республику, и трудовой коллектив, его наличие сильно помогло поддерживать товарообмен. Но автомат – это вещь, которую покупают один раз – и на годы. А вот патроны нужны постоянно, и их не покрутишь на коленке, как гладкие...

В этот раз на совещание пустили без очереди, в кабинете генерального собрался костяк завода. Технари, внедренцы, логисты. Не было только продаж – смысла нет. За продажи сегодня выступлю я.

На меня – смотрели с интересом, все знали, что недавно приключилось. Стрельба, а потом еще отбиться от монстра – сейчас такое редко уже случается, все-таки порядочно окрестности зачистили, да и жить уже научились так, чтобы проблем таких не возникало. Но вопросов не задавали лишних – потом, после совещания, отбиваться придется.

Вышел к стенду, коротко рассказал о результатах поездки, об открывающихся перспективах развития. Все-таки целый регион, находящийся в полуосаде. И оружие там востребовано, как и многое другое. А на обмен можно хотя бы и зерном брать – картошка реально надоела, в горле комом стоит.

Упомянул и о том, что есть возможность привлекать людей на защиту родного края. Не забыл упомянуть и то, что ход там откровенно бандитский.

– ...короче говоря, главной проблемой я вижу пройти мост через Волгу, дальше – дорога живая, можно катиться прямо до самого Донбасса. Обойти тоже нельзя – если пы-

таться везти баржами, спровоцируем войну. Рано или поздно вопрос с ваххабитами на том берегу Волги придется закрывать, но пока – проще и дешевле проплатить. Остальное, по моему мнению, должно пройти штатно.

– А если бандиты попробуют отбить груз? – спросил генеральный. – Все-таки целый состав с оружием.

– Вопрос решаемый. Мы только с такими покупателями дело и имеем, знаем, как с ними работать. Передачу организуем на нейтральной территории, подстрахуемся. Кроме того – они рассчитывают на новые поставки.

– Зачем им столько?

– Война. Ну и торговать.

– Торговать с кем? С хохлами? С чеченцами?

Ну да. Калабин Василий Викторович, главный инженер. Подпольная кличка – «Последний коммунист». К семидесяти мужику, а не поумнел.

– Василий Викторович... а что в этом такого страшного?

* * *

– Смотрите, чеченцы от нас далеко, украинцы еще дальше. А дончане – живут там, рядом с ними. Скажите, в сорок втором кто-то с завода Гитлеру оружие отгружал?

Зашумели.

– Саш, ты это... – сказал генеральный.

– А я не перегибаю. Я просто о чем хочу сказать. Все зна-

ют, кто такие чечены. И все знают, кто такие укрофашисты. Все знают, что будет, если они силу возьмут, так?

* * *

– И если кто-то там, зная это, все равно будет им оружие из-под полы продавать, а другие видеть это и молчать, значит, все они заслуживают того, что с ними в итоге произойдет.

Наверное, зря я разошелся. Просто задалбывает иногда. Да еще это покушение...

Про себя надо думать. Про других – потом.

Потом еще раз двинули на четырехсотую площадку вместе с Бекетовым как раз – окончательно определиться с расстановкой оборудования.

– Василий Викторович, – улучив момент, сказал я, – вы извините, если что не так. Вспыльчив бываю, признаю.

– Да я-то что... – Бекетов, старый, седой, еще советской закалки инженер и руководитель, посмотрел на меня: – Я, можно сказать, вторую жизнь живу, пригодился вот на старости лет. А как вы будете жить – это уже ваше.

– Что же вы так, Василий Викторович? – сказал я.

– А как еще, Саша? От Союза отказались, человек человеку волк, моя хата с краю – вот и хлебайте теперь. Ох, расхлебаете...

Больше мы на эту тему не говорили.

– Элин...

Настроение было не очень. Точнее – дурное совсем.

– Почему все так хреново, а?

Передо мной стоял чай. Мой любимый... сколько еще осталось? Немного. Потом и чая не будет.

– Почему мы так и грызем друг друга? На карачках ползаем, а грызем.

Я посмотрел на нее.

– У тебя на работе гадюшник. У меня...

– Мы живы.

– Мы – да. Пока – живы.

– Саша, ты хоть и депутат...

– Да знаю я. Спать пошли...

На пороге кухни вспомнил:

– Элин.

– А?

– Могут прийти. Ты помнишь, что должны сказать?

– Помню я, помню.

– Если придут и не скажут – стреляй. И чтобы рука – не дрогнула. Кто бы это ни был, Элин. Кто бы это ни был.

Бывшая Россия, Волга *Девятьсот восемьдесят* *девятый день Катастрофы*

Если раньше на производство состава с оружием требовалось несколько дней – мощность завода в советские времена выходила до полумиллиона единиц в год – то сейчас на это требовалось времени больше. Даже если вычистить все склады, что нельзя делать, потому что сорвешь поставки и обратно, – доверие уже не наработаешь. И пока заказ делают, надо подготовить все для его транспортировки. Безопасной желательно.

Мы шли скоростным катером. Резали волжскую волну. Шли вверх по течению Волги.

Катер был не простой, какие в «СпортЭкстриме» продают, фибerglassовые – а настоящий, типа «Грачонок». Он на заводе был, его новым вооружением оснащали – так и остался. Тридцать миллиметров на корме, два Корда по бортам, плюс АГС и беспилотник. Это катера спецназа, перед Катастрофой Рыбинская верфь вошла в состав группы Калашникова, а там и катера делали, и скоростные вооруженные лодки. Да много чего делали – у нас перед Катастрофой освоили экспериментальное производство воздушных мотоциклов. Это как квадрокоптер, только большой и на нем человек

сидит. Летает низенько-низенько, но по удобству – аналогов нет, думаю. Это как летающая машина. У нас эти образцы до сих пор стояли, пару раз их пытались использовать при отстреле зомби, но потом отказались – все-таки нервничаешь. А ну откажет – и что? Хотя квадрики примитивные – вооруженные пистолетом с глушителем – использовали.

Много чего делали, пока все не накрылось...

Я одно время сильно хотел узнать, а кто это все, с...а, затеял. Кто опрокинул весь мир и превратил нас по факту в каннибалов, истребляющих друг друга. У кого хватило ума это сделать и как. Говорили про американцев, говорили про наших, говорили про какого-то олигарха и про то, что есть какая-то вакцина – но слова словами...

– Слева двести двадцать – цель! Одиночная!

Глянул в бинокль – ну да, зомби. Какой-то мужик, рваный, явно свежий – топчется у воды. Хорошо, что они воды боятся, а то бы совсем нехорошо было.

– Машине самый малый. Кто там у нас по очереди?

Зомби надо пристрелить. Когда нет опасности – у нас очередь, чтобы в реальной стрельбе по реальным целям могли попрактиковаться все в равной степени.

– Я, наверное, – сказал Леха Ширококов, подпольная кличка Удмурт.

– Давай, раз, наверное.

Леха встал на колено, уцепился рукой за поручень, на руку положил бесшумную винтовку. Это сильно переделанная

МН18 с глушителем и под патрон 9,3 «Ланкастер». Однозарядка – но не просто так ее многие спецы берут. Для тихой охоты – самое то. Точная, совсем бесшумная, слона с ног сшибет, при навыке перезаряжается быстро, и, главное – гильзу не надо искать после выстрела. Потом переснарядишь – намного дешевле получается. А кроме того, стволы сменные, можно несколько носить, под разные боеприпасы...

Винтовка дернулась – и зомбак упал.

– Норм...

Катер снова ускорился...

Волга – река интересная. И не только тем, что по правилам она должна называться Кама, поскольку при слиянии Волги и Камы большой водосброс все-таки у Камы. А и тем, что эта река сшивает европейскую часть России и Поволжье. Она чем-то напоминает Дунай, становой хребет Европы и единственную крупную реку в Европе, которая течет не в меридиональном, а в параллельном направлении. Волга – это, можно сказать, наш Дунай, когда славяне не смогли закрепиться на Дунае, они ушли севернее и нашли Волгу. Реку, которая раньше носила название Ра и которая была настолько огромной, что некоторые живущие на ней народы не были уверены в том, река это или такое море.

У Казани река делает резкий поворот и меняет свое направление с меридионального на параллельное, уходя в сторону Центральной России. Для нас обычная конечная точка

пути – Нижний, Нижегородский торг, дальше на Ярославль и Кострому мы не ходим и даже не до конца знаем, что там, потому что это против договоренностей. Но сейчас мы шли не до Новгорода – мне надо было встретиться в нейтральном месте с представителем нижегородских и попытаться решить или хотя бы сгладить ту проблему, которая у нас возникла. Связанную с расстрелом колонны на Воткинском шоссе.

Встретиться мы решили в Кокшайске, что в Республике Марий-Эл. Это неофициальная нейтральная территория на Волге.

Если говорить про Марий-Эл и населяющих ее марийцев или черемисов, то можно сказать многое, но ничего из этого не будет правдой – или почти ничего. Попытки России присоединить их вызвали три кровопролитные Черемисские войны, о которых практически ничего не известно – но показательно, что раз за разом восставали именно черемисы, а остальные только присоединялись к ним. У них есть собственный язык, относящийся к финно-угорской группе, как и у удмуртов – но сами черемисы имеют монголоидные черты, хотя и не ярко выраженные – вероятно, это наследники Орды, смешавшиеся за много веков с местным населением. Они язычники, хотя для вида исповедуют православие. Марийцы есть даже в Узбекистане, и никто не знает, есть ли они где-то еще, и вообще, сколько их – потому что марийцы очень скрытный и тихий народ. Они учат русский, чтобы слиться с населением, но они всегда помнят, кто они. По-

пытки изучать их кончились провалом, потому что несколько этнографических экспедиций просто исчезли. Их поиски закончились ничем, хотя в селах встретили приветливо и помогали искать. Местные менты сказали, чтобы уезжали поскорей, потому что если тут задержаться, то потом искать придется уже вас. Болота знают ответ загадок, но никогда не заговорят.

Немало городов Поволжья, например, Самара – имеют названия, происходящие как раз из марийского языка. Ходят слухи, что марийцы сохранили какие-то древние практики, в частности умеют отводить глаз.

Во время катастрофы почти все марийцы выжили, как и мы, потому что предпочитали жить в глуши. Йошкар-Олу – это бывший Царевококшайск – они бросили, потому что там не было ничего для них интересного, и город им не был нужен. Их стихия – леса, деревни, они иногда строятся даже землянками в лесу. Поклоняются они священным местам – утесам, камням. В свое время царская власть взорвала их главную молельню – какой-то утес – но это ничего не дало, потому что духа не взорвешь. Где они молятся сейчас – я не знаю, и лучше не выяснять. Потому что, выясняя насчет их религии, – верный способ пропасть без вести.

Кокшайск был главной их пристанью, через него шла нехитрая их торговля. И у них явно были посты наблюдения по реке, потому что когда мы увидели пристань – там нас уже ждали. Несколько джипов и «буханок», вооружен-

ные люди...

Мы бросили якоря, и я направился к берегу на лодке. Нам кинули конец.

Навстречу выступил пожилой, одетый в камуфляж мужчина с хитрыми, чуть раскосыми глазами. Это Алексей, их старший. У них у всех два имени – русское и свое. Русским они пользуются для сношений с внешним миром. Свое – только для своих.

– Алексей.

– Александр...

Обнялись.

– Как жизнь?

– Только держись...

– Слышал, ты чуть не погиб.

Вот так вот. Уже знают.

– Было дело.

– Оберег наш носишь?

– Ношу.

– Он тебе и помог.

У меня действительно есть их оберег, ношу вместе с ключами. Этот оберег – устанавливает связь человека и Шочынавы, их верховного божества. Как объяснил мне Алексей, он нужен для того, чтобы человек смог реализовать все, зачем он родился, и никто не смог бы ему помешать в этом. Как-то так.

– Наверное. Слушай, Алексей. Поговорить бы надо.

– Давай поговорим...

Марийская национальная кухня очень своеобразна. Основная традиционная пища марийцев – суп с клецками (лашка), вареники с начинкой из мяса или творога (подкогыльо), вареная колбаса из сала или крови с крупой (сокта), вяленая колбаса из конины (каж), слоеные блины (команмелна), творожные сырники (туара), отварные лепешки (подкинде), печеные лепешки (салмагинде). Для национальной кухни характерны также специфические блюда из мяса белки, ястреба, филина, ежа, ужа, гадюки, из муки из сушеной рыбы, конопляного семени. Есть такое способен не каждый. Но если хочешь подружиться...

– Алексей...

* * *

– Скоро сюда придут люди из Новгорода. Нам надо встретиться.

Алексей пожал плечами.

– Но есть проблемы.

* * *

– Может начаться междоусобная война. Совсем скоро.

Алексей снова пожал плечами.

– Я знаю, что ты мне скажешь. Что это не наше дело.

– Это дело вас, русских.

– Раньше было.

* * *

– Ты что, не знаешь, сколько в лесах уголовников?

– В наших – нет.

Верю. Охотно верю. Уголовники их леса десятой дорогой обходят. Говорят, что там людей приносят в жертву.

– Но будут.

– Как Бог даст.

– Алексей. Посмотри, что происходит вокруг. Смерть кругом.

Алексей кивнул, но ничего не сказал. С ними вообще тяжело разговаривать.

– Все люди пытаются выжить, но по-разному. Кто-то как раньше. А кто-то рабов завел и бандитствует.

* * *

– Если победят люди – будет жизнь людская. А если бандиты – бандитская. Ты что выбираешь?

* * *

– Молчишь? Напрасно. Потому что, если бандитская верх возьмет, они вас перебьют. Рано или поздно, но перебьют. Навалятся с Новгорода, с Вятки. Ты должен помнить, сколько в Новгороде колоний было – там ведь совсем не чистили.

* * *

– И тебе тоже надо выбрать – как и всем вам.

* * *

– Может, с тобой уже с той стороны говорили, хотели вас нанять как наемников. Не исключаю. Но надо помнить самое главное. Мы народ, и вы – народ. А бандиты – это не народ, это выродки.

– Поздновато же ты, русский, вспомнил, что мы – народ.

– Алексей. Какой я, на хрен, русский – я человек, как и ты.

И просто пытаюсь выжить. Оглянись. Нет больше России. И мира привычного нет. Есть люди. Есть бандиты. И есть твари.

Алексей долго молчал. Потом заговорил:

– Ты кое-что знать должен.

– Что именно?

– Началось все с Москвы.

– Что началось?

– Всё.

О так-так...

– Откуда знаешь?

– Какая разница, русский. Знаю – и все. Когда те глупые люди поняли, что они натворили, они пытались пробраться сюда, тут есть секретный институт. Лекарства всякие делают.

– И? У них получилось?

– Не знаю, русский. Знаю, что того, кто это затеял, убили тут, неподалеку.

– Как его звали?

– Бурко.

Бурко... что-то знакомое.

– Кто его убил?

– Ветер знает. Ты бы лучше спросил, что было потом.

– И что было потом?

– Те, кто выжил, ушли в Новгород. Владимир, с которым ты хочешь говорить, – из них. Он предатель.

– Вот как.

– У них все еще есть та самая зараза. От которой умер мир. Думаю, они готовятся и вас заразить.

О как!

Если так подумать... то некоторые вещи становятся яснее. Например, мне не давала покоя странная позиция республи-

канского руководства. Как будто им наплевать и сражаюсь я один. Но все становится намного понятнее, если предположить, что нам пригрозили вот этим. Будете рыпаться – станете такими же, как Москва. Нет – договоримся.

Чтобы такому противостоять, нужно особенное мужество. А людей таких мало. Это раньше шли в полный рост в атаку на пулеметы и писали кровью – погибаю, а не сдаюсь. Сейчас мало таких осталось, привыкли договариваться.

Но если даже республика и договорилась – то остаюсь я. Я как бы сам по себе. И на это можно сослаться. Потому мне не помогают – но и не мешают особенно.

У нас в республике нет фармацевтики. Совсем. Если и хотели бы вакцину сделать – нечем и не на чем.

А я-то думал, нас Градом накроют. А оно вон как... страшнее будет.

– Ты решил?

– Нет, я такое не решаю.

– Тогда скажи тем, кто решает.

– Скажу.

Кто главный у марийцев – я не знал. Скрытный народ, думаю, почти никто не знает. Чертов поволжский Бермудский треугольник.

– Но для себя ты решил?

– Сегодня Владимир приедет?

– Да.

– Думаю, они тебя тоже захотят сделать ходящим мерт-

вым, русский. И может быть, прямо сегодня. Потому надень перчатки глухие и пропитай спиртом, я знаю, что у вас есть. Ничего у них не ешь, и не пей, и перчаток не снимай. Потом еще раз спиртом брызни. И потом тоже перчатки носи и будь осторожнее.

Теперь очередь молчать была моя.

Алексей рассмеялся.

– Напугал я тебя, русский?

– Есть такое.

– Мои слова стоят тысячи патронов?

– Без вопросов.

– Тогда еще две винтовки дай. А то патроны есть, а винтовки нет – нехорошо.

Вернулся на катер.

– Две винтовки и тысячу патронов им дайте без денег.

Удивились – но пошли исполнять.

– Теперь остальное. Тревога. Быть наготове. Если что стрелять. Перчатки надеть и маски медицинские. Ни за что не хвататься, не есть не пить. Всем понятно?

* * *

– По местам.

Бандиты – прибыли на небольшом теплоходе. Он был

больше и комфортнее, но его КОРД 12,7 – против наших тридцати миллиметров не катил. Если что – разнесем в клочья.

На хрен.

Главным у них был Владимир. Бывший мент. Из ФСИН – службы исполнения наказаний. Вообще, если посмотреть – эки и те, кто их охраняет, поразительно быстро нашли общий язык друг с другом.

Там была база отдыха – ее и использовали для встреч. Все с оружием, но знают – кругом марийцы. Начнешь мочилово – не уйдешь.

Я надел старые китайские глухие перчатки и спиртом брызнул.

Трактор в поле дыр-дыр-дыр.

Мы, товарищи, за мир.

Владимир и его люди – на берегу был сам Владимир – раздался вширь за то время, пока я его не видел. А так у него рожа типичного советского положительного героя, тракториста – потому и песенка вспомнилась. Разжирел только. На руках его были перчатки, увидев, что и на моих тоже – он как-то криво усмехнулся и снял свои.

А я руки не подал.

– Что не так?

– Вопросы есть.

– Давай порешаем...

Никогда не имейте дел с ворами.

Воры... у них такое понимание, что вот есть они и они должны жить преступлением, и есть вы – а вы – это терпильцы, которые должны от преступлений их страдать. И попытки вести с ними дела нормально, по-честному – они всегда закончатся полным провалом.

Как-то раз я слышал такую историю – приходит в лагерь пеший этап. Из-за колючки крик – людей сколько? И ответ – шесть человек. Поняли? То есть для воров не воры – не люди.

Еще хуже менты, которые под ворами. Они еще и профессионально подготовлены и понимают, что назад дороги нет. У нас, например, если мента изобличают в том, что он систематически сотрудничал с криминалом, – за это расстрел, причем без вариантов. И полная конфискация имущества. Не хочешь, чтобы тебя расстреляли, а семью выкинули из дома в двадцать четыре часа – будь ментом, а не оборотнем в погонах.

Но самое худшее – это те мусора, которые не пошли под криминал, а сами стали криминалом. Такие как Владимир.

Это он ведь крышевал тот базар, на котором я Элину в карты выиграл. Мент крышевал базар, где торгуют рабами и орудуют всякие духи. И я прекрасно помню, как он тогда суетился и разруливал. До конца жизни не забуду.

Вопрос только в том, до конца чьей жизни.

Думаю, он считает, что я уже забыл. Большая ошибка так считать. Я никогда ничего не забываю.

Шестерки накрыли поляну. Суетливо отступили.

– Саш... непонятки многие между нами существуют, – начал разговор Владимир.

– Поясни за непонятки.

– Людей постреляли у вас. Они поговорить приехали, а вы их – так встретили.

Обратите внимание – не «наших людей», а просто «людей».

– Влад, ты же знаешь правила. Если есть желание поговорить – надо объявиться, а не буром переть.

* * *

– Скажи, кому вы объявились, и мы с него спросим.

Влад криво усмехнулся:

– А спрашивать-то имеешь право? Ходил слух, что у тебя проблемы были.

Я достал депутатскую карточку для голосования.

– Убедиться хочешь?

Тут интересный вопрос – понятно, что сама по себе карта мало что значит. Но и сомневаться – причин нет.

– Влад, подумай, если я сам по себе, один на льдине – дали бы мне катер вооруженный?

Влад криво усмехнулся:

– Оно так. Только...

– Только что?

– Давай по чесноку, Саня. Мы к тебе присматривались.

Конкретно присматривались все три сезона. И в толк взять не могли, зачем такому деловитому пацану на дядю ишачить. Ну не похож ты на депутата, хоть тресни.

– А на кого похож?

– Да на кого угодно. На коммерса борзого. На вора в законе немного. Но никак не на ишака, которого нагрузи и он – повезет.

* * *

– Вот мы к тебе вопрос и имеем.

– Какой?

– Иди к нам.

О как.

Я усмехнулся:

– Не с чем идти. Не наворовал.

– Так это не тема. У нас наворуешь.

* * *

– Я так себе размышляю – у нас есть у самих оружейные

заводы. Тула, например.

Я криво усмехнулся:

– Его же растащили.

– Ну вот ты и восстановишь. За доляшку. Есть в Подмос-
ковье завод, там пистолеты делали. Стоит.

Влад наклонился вперед.

– У нас все есть. Бабло есть. Авторитет есть. Сила – есть.
Людей – нет. Все так и норовят – урвать.

– Ну вот, ты сам и сказал.

– Так мы тебе волю дадим. Хочешь крыс расстреливать –
расстреливай, никто тебе не скажет. Наводи порядок.

– Откровенность за откровенность, Влад, – сказал я, – я
недавно ниже по течению был. Ты в курсе, что Волгоград под
духами.

– Слышал что-то.

– Ну вот. Как думаешь, что они сделают с вашей бандит-
ской вольницей, когда доберутся?

Влад ощерился.

– Ничего они не сделают. И знаешь почему. Потому что
стоит им возбухнуть – мы за одного нашего десять ихних
кончаем, без разбора, первых попавшихся. А зарубимся все-
речь – устроим геноцид, мы их предупредили. Ничего не бу-
дет.

Я покачал головой:

– Глупо, Влад. Слышал про Исламское государство?

– Это тут при чем?

– А при том. Вот представь – едешь ты на своем красивом джипе с пацанами в пристяжи по Новгороду. И вдруг какой-то бродяга с рюкзаком под колеса кидается. Бах! И нет тебя. И пацанов твоих нет.

– За меня найдется кому спросить.

– А им пофиг. Хоть всех мусликов вырежьте у себя, их все равно немного. А у их сородичей – появится повод объявить вам джихад. Ты что, не в курсах, у муслимов кто погиб от руки кяфира в бою – тот шахид. Ты сам из них шахидов и делаешь.

* * *

– Исламское государство действует по принципу «чем хуже, тем лучше». Голой ж... ежа не запугаешь. Ты мочишь мусликов у себя? Отлично, тем больше будет кровников и желающих пожертвовать своей жизнью, только чтобы отнять твою. Ты с соседями закусился? Отлично, кяфиры воюют с кяфирами.

Влад откинулся назад.

– Че тебе надо? Че ты меня грузишь?

– Для начала – мне надо право прохода. По дорогам Центра в сторону Украины. Сколько стоит – заплатим, но в пределах разумного. А потом...

Я наклонился вперед.

– Влад. Мы стоим на реке – между вами и Кавказским

Имаратом. И самарскими, которые вас только так нагнут, если что. Прежде чем начинать с нами войну, подумайте хорошо, кто от этого выиграет? Мы? Вы? Или кто-то третий? Валамон³?

Влад смотрел на меня, явно прикидывая.

– Косяк вы знатный упороли.

– Я как косяк это не определяю.

– А как определяешь?

– Как непонятки. С обеих сторон.

– С обеих даже.

– Влад. Я ведь не предъявляю тебе сейчас за то, что кто-то с Камбарского причала левачит, да? А это тоже нарушение наших с вами договоренностей, и серьезное.

Бывший мент зло уставился в меня. Я представляю... как он сейчас мечтает о тех старых временах, когда он мог просто замесить борзого коммерса, а потом вложить его лет на пять. Это как у Юлиана Семенова....

– Если он старый чекист и вы убеждены в его партийной дисциплине, какое вы имеете право держать человека в камере?! – Мальков даже пристукнул пухлой ладонью по ручке кресла. – Вы обязаны извиниться перед ним, уплатить ему компенсацию и выдать квартиру... Почему вы не сделали этого?! Отчего нарушаете Конституцию?! Кто дал вам право на произвол?!

– Товарищ Мальков, разрешите до... – начал было Арка-

³ Ясно, понятно (удм.).

дий Аркадьевич сдавленным, тихим голосом...

– А что вы мне можете доложить? – так же бесстрастно, но прессово-давяще продолжал Мальков. – Что?!

Аркадий Аркадьевич снова открыл сейф, делал он это теперь кряхтя, с натугой, достал несколько маленьких папочек и, мягко ступая, чуть ли не на цыпочках, подошел к Малькову:

– Это неоформленные эпизоды...

Не скрывая раздражения, Мальков начал листать папки, одну уронил; Аркадий Аркадьевич стремительно поднял ее; первым порывом – Исаев заметил это – было положить ее на колени Малькова, но колени были женственные, округлые, папка не удержится, соскользнет, конфуз, руководство еще больше разгневется, решил держать в руках...

Не поднимая глаз от папок, Мальков спросил:

– В Югославии, в сорок первом, ваш псевдоним был Юстас?

Исаев снял очки, положил их на стол, потер лицо, разглядывая стены кабинета, – Маркс, Сталин, Берия; на вопрос, обращенный в пустоту, не ответил.

– Я вас спрашиваю или нет?! – Мальков повысил голос и поднял глаза на Исаева.

– Простите, но я не понял, к кому вы обращались, – ответил Исаев. – У меня еще пока есть имя... Имена, точнее говоря... Да, в Югославии я выполнял задания командования также под псевдонимом Юстас.

Мальков зачитал:

– «Единственно реальной силой в настоящее время является товарищ Тито (Броз), пользующийся непререкаемым авторитетом среди коммунистов и леворадикальной интеллигенции».

– Это вы писали?

– Да.

– Настаиваете на этом и сейчас?

– Конечно.

Мальков протянул вторую папку Аркадию Аркадьевичу:

– Дайте ему на опознание подпись... Если опознает, пусть подтвердит.

Аркадий Аркадьевич быстро подошел к Исаеву, положил перед ним папку, в которой была сделана прорезь, вмещающая в себя немецкую подпись – «Штирлиц».

– Ваша? Или фальсификация?

– Моя.

– Удостоверьте русской подписью.

– Сначала я должен посмотреть, какой текст я подписывал.

– При чем здесь текст? Речь идет о подлинности вашей подписи.

– Я ничего не подпишу, не посмотрев текста, – Аркадий Аркадьевич открыл папку: подпись была на чистом листе бумаги.

Исаев перечеркнул подпись, расписался заново и приписал:

«подпись верна, полковник Исаев», поставил дату и место – «МГБ СССР».

Как только Аркадий Аркадьевич отошел от Исаева, Мальков поднял над головой третью папку:

– «Обязуюсь по возвращении в СССР работать на английскую разведку с целью освещения деятельности МГБ СССР. Полковник Исаев (Юстас)». Это что такое?! Чья подпись?! Чья бумага?! Английская бумага и ваша подпись!

– Вам же прекрасно известно, что это фальсификация Рата, так называемого Макгрегора, – ответил Исаев. – Я не очень понимаю, зачем вам обставляться фальшивками? Никто не знает, что я вернулся, шлепните без фальшивок – и концы в воду...

Мальков ответил с яростью:

– Тогда нам придется шлепать и вашу бабу! Вы же хотели с ней повидаться?! Помните немецкую пословицу: «Что знают двое, то знает и свинья»?! А какие у нас есть основания ее расстреливать?! Нет и не было! Тянет на ссылку!.. А сейчас придется выбивать решение на ее расстрел! – Он обернулся к Аркадию Аркадьевичу. – Все душеспасительные разговоры с ним кончатся! Или в течение недели выберите из него то, что надо, или готовьте материалы на Особое совещание, я проведу нужный приговор...

Резко поднявшись с кресла, Мальков пошел к двери; Аркадий Аркадьевич семенил следом, всем своим видом давая понять малость свою, растерянность и вину.

Обежав Малькова, Аркадий Аркадьевич распахнул дверь, и тут Исаев громко сказал:

– Деканозов, стойте!

Реакция Деканозова, называвшего себя Мальковым, была поразительной: он присел, словно заяц, выскочивший на стрелка.

– Выслушайте, что я вам скажу, – требовательно рубил Исаев. – И поручите так называемому Аркадию Аркадьевичу выключить микрофоны – для вашей же пользы: работая с Шелленбергом, я прослушивал часть ваших бесед с Герингом и Риббентропом, а также с Ниночкой.

Деканозов медленно выпрямился и коротко бросил Аркадию Аркадьевичу:

– В подвал, расстрелять немедленно, дело оформите потом. – И снова открыл дверь.

Исаев рассмеялся – искренне, без наигрыша:

– Мой расстрел означает и ваш расстрел, Деканозов, потому что моя одиссея, все то, что я знал, хранится в банке и будет опубликована, если я исчезну окончательно... Сядьте напротив меня, я вам кое-что расскажу – про Ниночку тоже...

– Молчать! – Деканозов сорвался на крик; кричать, видно, не умел, привык к тому, чтобы окружающие слышали его шепот, не то что слово. – Выбейте из него, – сказал он заметно побледневшему Аркадию Аркадьевичу, – все, что он знает! Где хранится его одиссея?! Принесите ее мне на

стол. Срок – две недели. – И он снова распахнул дверь.

– Деканозов, – усмехнулся Максим Максимович, – возможно, вы выбьете из меня все, я не знаю, как пытаются в том здании, где не осталось ни одного, кто начал работать в семнадцатом? Заранее обговорено, что рукопись вернут только в руки, в Лос-Анджелесе, один на один. И если мои друзья не получают моего приглашения – они, кстати, стали и нашими друзьями, ибо поверили мне, – и не проведут месяц у меня в гостях, в моем доме, – они опубликуют то, что я им доверил. Ключ от моего сейфа в банке у них, отдадут они его только мне – в присутствии адвоката и нотариуса... Моя подпись на любом письме, если вы заставите меня его написать, будет сигналом к началу их работы...

Хотите, чтобы я процитировал отрывок из вашей беседы с Герингом, которому вы передавали устное послание Сталина? Вы не учили, с кем имеете дело, Деканозов... Меня послали на смерть – к нацистам... И я уже умер, работая в их аппарате... Но там я научился так страховать, как вам и не снилось... Вы ломали честных и наивных людей... А меня национальный социализм Гитлера научил быть змеем, просчитывать все возможности... Я не думал, что мне придется применять этот навык у своих... Отныне я не считаю вас своими... Я вас считаю партнерами... А теперь можете идти, я сказал то, что считал необходимым...

– Поднимите его к Комурову, – растерянно сказал Деканозов, отвернувшись от Аркадия Аркадьевича. – Я буду

там...

Не знаю, есть ли где еще страна, и была ли где еще страна, где школу спецслужб прошли все. От мала до велика. Мы учились клясться и не верить в то, что клянемся, лгать и самим верить в свою ложь, слышать ложь с трибун и лгать самим. В тридцатые годы прошлого века – мы учились молчать и таить, в семидесятые – мы проворачивали целые спецоперации ради того, чтобы достать югославскую стенку или выжить соседа по коммунальной квартире. В девяностые – мы учились выживать в самом физическом, витальном смысле этого слова – и вот, как пел Виктор Цой, – мы пришли заявить о своих правах. Эта мразь – она бы меня замесила, да только у меня ствол, и я хоть и мирный экспедитор – при случае легко вмочу его первым, а снайперы доделают остальное.

Эта мразь с его навыками, жестокостью и полным отсутствием совести где-нибудь во Франции хозяйствовала бы на половине территории страны. А тут он такой же, как и все, в стране мудрых змиев, перепробовавших все яблоки со всех яблонь до единого. Он – не более чем еще одна мишень в снайперском прицеле. Человек, который рискует жизнью, так же как и все.

– Круто солишь.

– Так мне – хлебать.

– Про Камбарку много народа знает?

– Пока немного.

Бывший мент помолчал, претерпевая гнев. Эта мразь –

не любит прогибаться даже по мелочам, я это знаю. Так что мстить мне потом будет с особой изощренностью. Но пока прогнуться приходится. Потому что дело. И тот факт, что он прогибается, сам по себе свидетельствует о масштабе ставок в игре.

– Я так понимаю, в Украине твой личный интерес есть.

– Оно так. Как ты правильно сказал – хватит работать на дядю.

– А в Камбарке?

Я помолчал.

– Там моего личного интереса нет. Что и плохо.

Мент снова помолчал.

– На что претендуешь?

– Три.

– Это до фига. Я столько не имею.

– Я вашего оборота не знаю.

– Давай так – сто.

– Сто – чего?

– Ну – долларов.

Я иронически поднял брови.

– Издеваешься. Я тебе не мальчик-колокольчик с площади динь-динь. Хочешь, кстати, понять, где вы прокололись?

– Ну?

– А на хрен было в Камбарку бронированный «Субурбан» тянуть? Что – круизером не обошлись бы?

– С..а.

Я просек еще одно – Забродин не их подчиненный, он в деле как равный, почему-то имеет возможность им диктовать. Скорее всего там тоже не дураки и понимали, что такую машину светить не стоит. Но Забродину вожа под хвост попала – так иногда бывает. Вот и получили... то, что получили.

– Влад. Я вот чего скажу. Не надо идти на поводу у тех, кто вконец обурел, – усугубил я.

Бывший мент хрустнул пальцами.

– Сами разберемся.

– Ну, разбирайся. Давай так – поставь перед своими вопрос – если я с Забродиним порешаю, на что я смогу претендовать? Я не такой обуревший, края знаю. Мне тачкой сверкать не надо, я себе и так цену знаю. Не в казарме родился.

Забродин голоден – это его и погубит. Я таких людей знаю, они уязвимы. Это люди, которые родились на самых низах, в детстве недоедали – и теперь нажраться не могут. Им именно такая тачка нужна, именно для того, чтобы доказать самим себе, что они могут себе это позволить. На этом и сгорают...

– Это не мне решать.

– Так решайте. К тому времени, как я вернусь.

Мент снова молчал, пережидая гнев. Потом кивнул.

– Услышал.

– А что насчет Воткинского шоссе? – напомнил я. – Там тоже надо решать. Смысла лить кровь из-за непоняток я не вижу. Равно как и нам – переходить на Самарский и Улья-

новский торг.

* * *

– Чтобы вы понимали, я там уже был.

– Косяк вы знатный упороли...

* * *

– Здесь не решим. Надо сход собирать. Но вас выслушаем с пониманием. Никто в войне не заинтересован, да.

– Базара нет.

Мы оба встали, понимая, что терка закончена. Я снял перчатку и протянул руку. Но Влад, демонстративно этого не заметив, пошел прочь...

Результат этой терки на сто процентов предугадать нельзя. Но я свою позицию заявил и, главное, заставил думать. Теперь они будут думать, что проще – замочить меня или дать долю. Точнее, не так – или сейчас замочить, или дать долю, а замочить потом. Учитывая то, что убит Новосельцев, а я уберу Забродина, и его доляшка тоже освободится. Потом они найдут кого-то, кто за долю уберет уже меня.

Кто рвется вперед, тот первый умрет, пусть даже
минует мину.

Идущий за ним – злорадно сопит и пулю в затылок шлет.
Он тоже падет – всему свой черед – сраженный ударом
в спину,
И будет забыт, как тот, кто убит, как тот, кто его убьет⁴.

– Чо невесел, шеф?

Мы шли по Волге. Назад домой.

– Настроение хреновое, – не оборачиваясь, ответил я, –
Высоцкого поставь.

И над волжскими берегами – из динамиков грохнул бард
всяя Руси.

Кто-то высмотрел плод, что неспел, неспел.

Потрусили за ствол – он упал, упал.

Вот вам песня о том, кто не спел, не спел,

И что голос имел – не узнал, не узнал.

Может, были с судьбой нелады, нелады

И с везением плохи дела, дела,

А тугая струна на лады, на лады

С незаметным изъяном легла.

Он начал робко с ноты «до»,

Но не допел ее, не до...

Не дозвучал его аккорд

И никого не вдохновил.

Собака лаяла, а кот

Мышей ловил.

Смешно, не правда ли, смешно?..

⁴ Стихи Юрия Нестеренко.

А он шутил – недошутил,
Недораспробовал вино,
И даже недопригубил.
Он пока лишь затеивал спор, спор,
Неуверенно и не спеша, спеша.
Словно капельки пота из пор, из пор,
Из-под кожи сочилась душа, душа.
Лишь затеял дуэль на ковре,
Еле-еле, едва приступил.
Лишь чуть-чуть осмотрелся в игре,
И судья еще счет не открыл.
Он знать хотел все от и до,
Но не добрался он, не до...
Ни до догадки, ни до дна,
Не докопался до глубин,
И ту, которая одна,
Недолюбил, недолюбил!
Смешно, не правда ли, смешно?
Что он спешил – недоспешил.
Осталось недорешено
Все то, что он недорешил.
Ни единою буквой не лгу —
Он был чистого слога слуга,
Он писал ей стихи на снегу, —
К сожалению, тают снега.
Но тогда еще был снегопад
И свобода творить на снегу.
И большие снежинки, и град
Он губами хватал на бегу.

Но к ней в серебряном ландо
Он не доехал и не до...
Не добежал, бегун-беглец,
Не долетел, не доскакал,
А звездный знак его – Телец, —
Холодный Млечный Путь лакал.
Смешно, не правда ли, смешно,
Когда секунд недостает, —
Недостающее звено —
И недолет, и недолет.
Смешно, не правда ли? Ну вот, —
И вам смешно, и даже мне.
Конь на скаку и птица влет,
По чьей вине, по чьей вине?

По нашей, по чьей еще. Во всем, что происходит с нами —
нет другой вины, кроме нашей вины...

И нам хлебать.

Бывшая Россия, Удмуртия *Девятьсот девяносто шестой день Катастрофы*

Нормальные герои всегда идут в обход, и я в этом смысле не исключение.

Идти через Зеленый Дол мне не хотелось... зная крысиные повадки отдельных личностей, я предполагал, что скорее всего туда нас пропустят, а на обратном – будут ждать. Да и... разумно было бы пригнать в республику еще сколько-то подвижного состава и тяги... все это зачтется, когда будем вопрос по заводу решать. Все это склонило к решению выдвигаться через Ульяновск, и не по железке, а автомобильным транспортом. Там, если все пройдет удачно, мы загрузим грузовики на платформы и пойдем обратно железкой. А если железкой где-то пройти не получится – у нас будут машины.

И третье, что мы решили, – идти как можно ближе к ветке ж/д, занимаясь ее разведкой. Пригодится на будущее... вообще любые знания пригождаются.

В этот раз конвой собирали мощно. Десять «КАЗов», все либо с капиталки, либо новые, плюс два броневика «КАЗ», один с крупнокалиберным пулеметом, другой с пушкой. С нами шел отряд «Росомаха» – элитный отряд, их и до Ката-

строфы всего четырнадцать человек было. Числились они в составе УФСИН. Я переговорил с их командиром, подполковником Попцовым – решили, что военную часть экспедиции возглавит он и в своих действиях будет независим. Я команду только заводскими, при нападении – командование автоматически переходит к Попцову.

Получилось в итоге восемнадцать машин – у Попцова помимо броневиков еще «УАЗы» были, бронированные и с пулеметами.

Перед выездом собрались на заводском стрельбище, скататься, так сказать. Попцова, кстати, я знал давно и завод его знал. Экспериментальные образцы надо где-то обкатывать, но не везде их пристроишь – пострелять берут, а вот отчет фиг заставишь написать. Попцов же с удовольствием писал замечания, вместе с конструкторами что-то разбирал. Завод в долгу не оставался – по словам Попцова, когда тот совсем еще зеленым поехал на Кавказ вместе с отрядом, соседей поразила матчасть отряда – например, семь снайперских винтовок на восемь человек.

Кстати, про Кавказ...

Пока бойцы пристреливались, отрабатывали совместное перемещение и прикрытие, мы стояли в стороне. Командовать нам ни к чему – на то есть сержантский состав, офицер на то и офицер, чтобы не мельтешить.

Вот я и задал вопрос.

– Слушай, Сергей... а ты не припомнишь такого Ису Теп-

коева?

Попцов глянул с интересом.

– А что случилось?

– Да так... дельце есть одно.

– Был такой. Припоминаю.

– И что про него скажешь?

– Чеченец.

– Это я понял.

– А больше ничего и не сказать.

Я отхлебнул чая из термоса.

– Этот Тепкоев предлагает стволы – раскрыл часть правды
я.

– Стволы – куда?

– Пока сюда. А потом, видимо – и туда.

– Хорошее дело.

* * *

– Ты слышал, что Волгоград под ними?

Я кивнул.

– Ну, вот.

– Я так понял, у них поставки откуда-то. С Турции, что
ли?

Попцов кивнул.

– И так или иначе, придется работать – хотя бы чтобы по-
нять, на что можно рассчитывать.

– Тепкоев до всего этого кем-то вроде изгоя был, – вдруг сказал Попцов.

Есть контакт.

– Почему?

– Он оздоевский. Их считают не совсем чеченцами.

– Как же он тогда в органы попал?

– Как-как. Вот, может, потому и попал. Ты в курсах, что в Ингушетии в горах банды отсиживались конкретно?

– Слышал.

– Все лесные жались к границам. Или Дагестана, или Грузии, или Ингушетии. Чуть что – и они там.

– То есть он стучал?

– Я этого не говорил.

* * *

– Короче, чечен есть чечен. Он в обе стороны работал, как и все они. Ни один чечен, сколько бы он присяг ни давал, не переступит через свои понятия. Главное – родня. Но вот за деньги – он не дул. Свои вопросы решал.

Я хрустнул пальцами.

– Услышал.

Уходили нормально. Без соплей, без проводов. Это вообще лишнее, нервы у всех не железные. Просто загрузились на заводе, встали на трассу и пошли. Проводов не организовыв-

вали, из семей никто не пришел – ни к чему это. К плохому.

Все мы понимали, куда мы идем. Дикая территория, между нами и самарскими бандитами, не зачищенная, частично контролируется отморозками, выдавленными как нами из Вятки, так и самарскими – со своей территории. Частично там зомбаки и монстры. Но идти надо. И именно там, где нас не ждут...

Про мои проводы лучше не писать – на нервах были. Еще раз повторил про бдительность и сам лично проверил, чтобы оружие было разложено как надо и замки чтобы держали. Не идти я тоже не мог.

Пока шли по Удмуртии – я, как и многие – дремал, как мог. Даже если не хочешь – надо спать, хотя бы глаза закрыть – непонятно, когда еще доведется поспать.

А потом – как всегда неожиданно и некстати – появились сны...

Подмосковье

Первый год Катастрофы

– Ну проезжай, б...! Чо встал!

* * *

– Песдюк!

Видимо, Леха – наш водила – сказал это громче, чем следовало, потому что впереди обозначилась движуха. От одного из джипов, явно угнанного, потому что без номеров – отделились два мена и направились к нам. Оба лысые, точнее не совсем лысые – пушок по всей голове равномерно пробивается. Только с кичи снялись. Тот, что первым идет, – похоже, без всего, на руках партаки блатные. Второй чуть отстаёт – у него «АКМ». Огражденный это «ВПО-136» или боевой «АКМ» – хрен его знает.

– Саня.

– Вижу.

Сам я достал из кармана – у меня тогда нормальной кобуры не было, а штаны от «Хеликон» позволяли в кармане ствол носить – большой «Зиг-Зауэр 226».

Конечно, не родной – родной фиг себе позволишь, это тебе не старые добрые времена с долларом ниже тридцатника,

когда даже «Найтфорс» казался не таким уж и дорогим. Китай, но хороший Китай. В Китае вообще оружие лучше, чем о нем думают – там нет частников, и все оружие без исключения проходит военную приемку. А испытательный патрон в Китае в полтора раза мощнее нашего. Так что нравится мне китаец всем, кроме магазина – щечки острые, запросто палец порезать можно.

Кладу руку с пистолетом на колени. Снаружи не видно, и хорошо, что не видно – ни к чему. Угрожать смысла нет, сейчас каждый сам себе босс. Но если придется стрелять – то стрелять придется быстро. И не только по этим двоим – но и по тем вон петухам топтаным, которые машины поставили посреди всей дороги и с понтом разговаривают, а другие подождать должны, пока боссы перетрут.

Но мне пофиг до их раскладов. Я ждать не собираюсь.

Блатной подошел со стороны водилы. Второй встал перед машиной со своим «калашом». Дурачок, думаешь, нас «калаш» испугает – мы его делаем, чего его бояться. Если чо, ты же первый под колеса и попадешь. Не понял, бычара, что сейчас авторитет ни тебя, ни босса твоего – не пляшет, каждый как может, так и выживает. И вот эти понты с перекрытой дорогой реально могут худо кончиться.

Но до них еще это не дошло. Выкобениваются гады...

– Че ты сказал?

– А что я сказал?

– Не, повтори, че ты сказа...

Блатной сглотнул окончание слова, потому что только что до него дошло, что с пассажирского ему прямо в лобешник смотрит ствол.

– Братишка, убери машину, дай нам проехать, – сказал я.

* * *

– Прими по-братски, торопимся очень. Встреча тут у нас. Базар тоже надо уметь тереть, тут каждое слово – в жилу. Видели, как сидявые разговаривают – как заторможенные, потому что каждое слово может иметь последствия. Здесь не зона и понятия не зоновские, но следить за словами надо не меньше. И взвешивать – что и как сказать. Потому что сейчас у каждого, кто выжил, – ствол. А закона нет совсем – гикнулся закон вместе с остатками тех, кто его поддерживал. Они первый удар на себя и приняли вместе с врачами – выезжая на вызовы и не зная, что укус – это смерть. А потом и жизнь – но такая, что врагу не пожелаешь, в виде полуразложившегося, но каким-то чудом живого трупешника.

Беспредел сейчас на Руси. Такой, какого со времен Емельки Пугачева не было, а то и похуже. Зоны разгромлены, углы все разом откинулись – в том числе пожизненники из «Черного дельфина» и тому подобных мест. В зонах уцелели все – их, от того что происходило на воле, уберегла запретка. Многие стакнулись с бывшими ФСИНовцами – понятное дело, еще до всего этого кто-то же чай, колбасу, водку, мобилы

таскал, верно? Теперь они и есть главные. Почти везде.

Братишка – так часто друг к другу обращаются военные, а неуставные черные флиски и штаны от «Хеликона» – указывают на спецназ или что-то подобное. Контора, с какой лучше не связываться. Прими по-братски, и в целом дружелюбный тон – так и надо, вроде как не прогибаешься под давлением, а вежливо высказанную просьбу исполняешь. Встреча тут у нас – значит, мы не залетные какие-то, не сами по себе, на базаре нас ждут, и если чо – выедут сюда. И предъявят. А так как на базаре тоже авторитетные люди – еще неизвестно, чем кончится эта терка. Так что лучше и в самом деле уступить.

Ну а с ходу пистолет в лобешник – это намек на то, что мы ни перед чем не остановимся. Если что – тупо помножим на ноль, и привет.

– Прими по-братски, – повторил я.

Блатной нехорошо ощерился, начал отходить...

С заднего сиденья просунулся ствол автоматической винтовки триста восьмого калибра, я чуть пригнулся, чтобы под выхлоп не попасть, и коленом – подтолкнул дверь. Винтай мой, попользоваться дал. «Сайга 308-50», с длинными, на двадцать пять магазинами, дульником СКОС-5 и коллиматором от ЭОТЕК. Серьезная штука, из нее и охотиться можно, и в бой с ней идти. На стрельбище она вблизи поппер валит вместе с установкой.

Отходит. Что-то бросает корешам... закусимся?

Второй – тоже отходит. Но нормально, не задом. Понимаю, что пронесет. На дороге – погнаться бы могли, но тут не погонятся – рынок рядом. Базар. А на базаре за погоню – без вопросов башку свинтят.

Так... крузак мигнул красными, начал сдавать. Выдохнул.
– Осторожнее...

Трогаемся и мы. Палец на спусковом. На нас смотрят во все глаза, взгляды нехорошие, злые. Но я уже понимаю – пропустят. Это раньше они были королями. Сейчас любой задрот – терпила – может достать из своего «Рено-Логан» полученный от военных «ППШ», да и прочесать всю эту мафию хорошей очередью. Как там говорится – все умирают? Да, но те, кто это говорит, как-то не подразумевают, что смертны и они тоже...

Проходим машины, чуть набираем скорость – чуть, потому что лагерь рядом. Бондики мрачно смотрят на открытую дверь нашего крузера, на наскоро вваренную «иракскую» защиту стенкой и на рыло «ПКМ», смотрящее на них...

Аллах акбар, если вам так нравится...

Короче говоря, были мы тут по делу...

У меня родственники во Владимирской области. Я, как только выдалась возможность, мотанулся... их, понятное дело, не задело. Почему? Отличный вопрос. Когда я совсем еще сопляком летом по полям и перелескам тут гонзал – автобусы на райцентр ходили четыре раза в день. Потом, когда

я последний раз тут был – автобусы ходили два раза в неделю. А потом – они вообще перестали ходить, можете себе такое представить? Мне на моем развитом и относительно цивилизованном Урале – себе такое представить было сложновато. А тут – пожалста. Сто семьдесят километров от Москвы – и автобусы не ходят. Круче того – они и в райцентре не ходят, то есть в городе нет общественного транспорта. То есть вообще нет. И – ипать-колотить – поездов тоже нет, потому что город стоит на ветке до Иванова, а Иваново – это самая что ни на есть нищета. Как так получилось, я не знаю – но это так. Раньше ходила от Москвы до Иванова «Красная Талка» – а сейчас вроде какой-то прицепной вагон с тепловозом ходит, и все. И то не всегда. Вот как может быть так, что у целой области нет сообщения с Москвой, не ходит поезд. А вот так и может. Мне с моим «Италмасом», который еще и ходит удобно – вечером выехал, утром в Москве, – тоже не понять.

И потому – какие зомбаки, о чем вы говорите.

Первые заболевшие, видимо, попали в город с единственным автобусом, который еще ходит. Это автобус на Москву, и там аншлаг – потому что население города ездит в Москву работать кассирами и грузчиками в гиперках – кому удастся подняться, в город уже не возвращается, переезжает. Но их было немного, а кроме того – автовокзал расположен в низине, к городским постройкам резкий подъем, а новообращенные зомбаки этого не любят – резких подъемов и спусков. Падают они, не держат координацию.

Я успел позвонить сеструхе, сказать как есть – ну они и телик посмотрели. А она врач, так что удалось избежать эпидемии в больнице и принять вовремя действенные меры к изоляции укушенных. А муж ее – замглавы, он как раз организовывал эвакуацию в сельскую местность. Домов пустых стояло много – где-то москвичи купили, где-то забросили, где-то кавказцы ради подмосковной прописки. Так как-то и выжили – тем более земля там жирная, черноземный клин как-никак...

Но тут...

Это была спортивная база в Подмоскowie, где – говорить не буду. Потому что она использовалась... так сказать, рядом заинтересованных лиц как перевалочный пункт и как лагерь подготовки для отправки людей и имущества на Донбасс. Какого имущества? Да того самого, первый день, что ли, живете?

А до этого она использовалась одной известной ОПГ для подготовки бойцов. Как там... здрасте, мы с Новокузнецка. А что сразу с порога угрожаете?

Сейчас, после всего, что случилось – понятно, что матчасть на Донецк никто не отправил, а было тут ее очень немало – война как никак. Те, кто рулил этой базой – а они были за штат выведены на всякий случай – решили, что ловить на Донбассе по-любому нечего и надо примеряться к новой жизни, как она есть. Тем более что место было довольно дикое, зомбаков тут не было, а вот решительных людей хвата-

ло. Потом сюда же – подгрести люди Януковича, люди Курченко, люди с харьковских групп. С ментовки люди.

И сложилось что-то вроде базы. Где и пересидеть можно, и продать, и купить. А так как народ был отмороженный – то продавали и покупали всякое...

Сталинские еще ворота, со звездой и потемневшей, облупившейся от времени краской, БТР внутренних войск. Это проходная. Около нее – тоже торг и вообще всякое движение – но внутрь пускают не каждого. Некоторые уже землянки роют – потому что рядом с вооруженной силой лучше.

В поле – штрафники, проигравшиеся, наверное, или просто упоровшие косяк – ставят заграждение.

Леха подрулил, просигналил. К нам пошел боец ВВ или Нацгвардии, как сейчас. А спорнем, что краповый берет он левый натянул?

Ладно. Сейчас все можно.

– Кто, к кому?

– Кабаном погоняют, – я назвал свою старую кличку, – к Александрову. Он не выехал никуда, случаем?

– Сейчас узнаю, ждите...

Понятное дело, нас ждали – взяли патронами за въезд и пустили. Заодно заставили под роспись ознакомиться с правилами поведения на базаре (чую, кто-то из военных ставил, только им придет в голову сейчас журнал заводить) и подтвердить, что мы не собираемся торговать. Это потому, что

въезд стоил по-разному – для тех, кто продает, намного дороже, чем для тех, кто покупает. Оно, по-моему, правильно, покупатели нужны – только как быть, к примеру, с бартером? Кто тут продает и кто – покупает?

Торг кипел своей обычной, веселой и разухабистой жизнью... при этом еще и расширяясь. Деревья вырубали и тут же рубили на дрова и продавали армянам, которые взялись тут людей кормить. Тут же корчевали пни, какие-то гаврики заливали столбы под ограждение, ограда была тут же небрежно сброшена – зелененькая, такие вокруг школ делают.

Торговали по-всякому, и с машин, кто-то уже постоянной точкой обзавелся. Народ самый разный, кто-то даже из бизнесеров, которым повезло выжить, кто-то из мародеров – вывозили склады и вставали торговать. Направо – были бывшие спальные корпуса, переделанные в гостиницу и администрацию рынка, налево – удивительно, но успели из быстровозводимых возвести что-то вроде большого коттеджа, над которым красовалась гордая надпись KAZINO. Вот так, с ошибкой – но для торгового люда сойдет.

Примета времени – в одном углу на машине стояли клетки с зомбаками, какой-то шустрик брал за просмотр деньги. Интересно, есть еще люди, которые за это деньги платят, кому это не надоело до блевоты?

Мы встали на стоянку... стоянка была просто куском земли, разровненным трактором и огороженным. Наш круизер

был далеко не самым богатым... так, один из. Вообще джипов было полно, от «Нивы» и до «Бентли», на котором явно какой-то дурак ездит. Почему? А сломается – он в Англию за деталью мотнется? Самые умные – уже на «Нивы» и «УАЗы» пересаживаются.

Еще примета времени – БТРы, «Тигры», военные машины. Это военные, они тоже приехали торговать. Вообще военные повели себя по-разному. Кто-то начал организовывать вокруг себя людей и строить какое-то подобие новой жизни. А кто-то и по-другому себя повел. Были и те, кто повел себя сильно по-другому.

Почему? Потому что раньше служба была делом подвижным, чем-то вроде монашества. А вот когда резко, в разы подняли денежное довольствие – тут на службу пошли самые разные люди. С самой разной мотивацией. Простой лейтенант получает в месяц полтос, знаете, что это для глубинки? Нет, конечно, и нормальных людей тоже достаточно пришло, и держать военных на нищенском довольствии не вариант – кто не кормит свою армию, кормит чужую. Но факт – что в армии много разных людей оказалось. От пофигистов, которым капает полтос в месяц на карточку, и отлично. До людей из глубинки с готтентотовским видением мира. Когда я украл – это хорошо, когда у меня – плохо.

Вот такие и ездят тут торговать.

– Как обычно, – бросаю я. Не первый базар – и все, кто что делать – знают. Правила поведения – от длинного магазина

отомкнуть и патрон из патронника долой – а вот короткое можно в полной боевой держать, главное – в кобуре. Потому что в любой момент можно на зомбака нарваться. Что самое плохое – зараза не только через укус передается, это уже выяснили. Умер, от чего угодно – пуля, сердечный приступ – и ты поднимешься.

Правда говорят, эта зараза лечит все вирусное – от насморка до СПИДа. Но утешение небольшое.

– А!!

А вот и Жэка. Он всегда артистом был. Погорелого театра. Хлопаем друг друга по рукам.

– А! А! И вот так! Опа!

– Не забыл?

– А... как забудешь. Пошли.

– Ну чо, Жэк. Как дальше жизнь ломать будем? Чо делать-то?

– Чо делать, чо делать. Сымать штаны и бегать.

– Далеко не убежишь.

– Оно так.

Я отхлебнул из своей кружки чая. Скривился.

– Чего, не вкусно?

– Не. Зуб ноет...

– Так щас мы его. Тут у нас врачиха теперь есть, кабинет целый.

– Да погоди ты...

– Москва все?

Жэка развел руками.

– Ну а как? Четырнадцать миллионов было. Плюс приезжие. Как минимум десять миллионов зобмей. Не зачистишь.

– А мы свою округу чистим.

Жэка принужденно рассмеялся.

– Ну, так вы уральские, всегда пацаны хватские были.

– А я по-серьезу. В Москве столько ништяков...

– Было да сплыло.

Жэка достал коньяка, плеснул немного себе, посмотрел на меня. Я покачал головой.

– Тут политика. Сейчас все группы из Москвы вышли – все. Она ничья. По факту сейчас идет вывоз трофеев. Относительно организованный. И если кто-то сделает попытку подгрести все под себя...

– Тот станет врагом сразу всем.

– Ну, вот. Ты всегда умным был.

Да я знаю. Только что с того.

– Кто сейчас при делах?

– Да по-разному. Военные создают центры спасения, приехали в своих городках – но, думаю, будущего у них нет, не умеют они дела делать. Понавесили себе на шею всякой шелупони... не, не выйдет. Остальное... самые разные люди,

Сань. От воров в законе, которые, кстати, отнюдь не на первом месте, – и до деловых с Газпрома, Роснефти и прочего. Сейчас такое время, кто что может, тот то и делает, Сань.

– Понятно дело.

Я снова отхлебнул поостывший чай.

– А у вас как?

– А у нас – как и раньше, без зомбей.

– Что – реально отбились?

– Реально.

– Ну, вы даете...

Да я знаю. Даем стране угля. Только одно, Жэк, шелупонь – это люди на самом-то деле. И без них – будущего-то как раз и нет. В борделе дети не родятся.

Ладно...

– А старшие у вас кто?

– С заводов, с ФСБ люди, – неопределенно ответил я, – а что, хохлы тут? Со своими связь наладили?

– Наладили. Только их на хрен послали. И знаешь... я бы тоже послал. Сидят сейчас, горилку пьют – кто живой остался.

Вот как...

Надо сказать, на хохлов у меня были определенные... скажем так, надежды. Сейчас ведь все по звезде пошло. И каждый может занимать любое положение – как в Америке на Диком Западе.

У нас в Москву перебралась целая элита одной из круп-

нейших в Европе стран. И не самая плохая, надо сказать, элита. Многие – очень неплохие управленцы. Просто с народом не повезло. И я знаю, что говорю – пришлось пересекаться.

Бывали в Кривом Роге? Я бывал, могу сравнивать. Там за годы **ВООБЩЕ НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЛОСЬ**. Ты приехал в город через десять лет – он такой же, только еще более обшарпанный. Ничего не строится, ничего нового не открывается – причем заводы работают, и какие заводы. Просто все выгребается под ноль. Так работают днепропетровские – упаси Бог под них попасть. Реально – задница...

В Донецке – да, там люди непростые были. Но люди. Вообще Донецк изначально, еще в девяностые, строился как конгломерат, где все принадлежит одному человеку или группе. Это был Ринат, да. Но разница между Ринатом и тем же Коломойским, надеюсь, его таки зомбаки сожрали – что Ринат и вообще донецкие реально много делали для своей малой родины. Днепропетровские выгребали все под ноль, людям дышать не давали. В Донецке такого не было.

До войны знаете какой был Донецк? Там ведь и тысячу евро зарплату реально было найти. Строилось немало, конечно, не так, как в России (у меня друг еще с тех времен перебрался в Россию, первым его шоком было количество кранов над городом), но много. Открывались какие-то клубы, кафе, под ЧМ Ринат подарил родному городу стадион, а Янукович и Азаров сделали аэропорт, да какой – региональный хаб, с

ним только Борисполь мог сравниться.

А потом война была. И кстати, во время войны Ринат реально помогал Донбассу, гуманитарку туда отправлял. Если бы война шла в Днепропетровске, думаете, Коломойский хоть на копейку бы помог? Хрен! Днепропетровские и до войны себя вели не как хозяева, а как оккупанты, все, что было под ними, не развивалось, ничего не строилось – тупо вынимали все деньги, какие возможно вынуть, и все. Не просто так Днепропетровск утратил статус города-миллионника. И не просто так на Донецк войной пошли.

Ладно, не тема это. Суть в том, что я с донецкими в изгнании пересекался. И потенциал в них видел. Сейчас такое время – нужны друзья. Если через них бы выйти на связь с оставленной ими родиной, предложить...

Но это уже значения не имеет. Раз послали – то и говорить не о чем. Можете дальше алкоголь пьянствовать, разрешаю.

– И хрен с ними, – завершил тему я, – тогда вот что, в Коврове – кто?

– Военные.

– Перетереть с ними можно? Организуешь?

– Ну...

– Внакладе не останешься.

В Коврове делают пулеметы. Всех типов – и обычные, и крупнокалиберные. Раньше второй завод был в Златоусте, но там все растащено. А пулеметы лишними не будут. Как и крупнокалиберные снайперские винтовки. Как и ракетные

комплексы.

Короче говоря, если мы подгребаем под себя тему с оружием – то и пропускать мимо такое нельзя. Договариваться надо либо под себя, либо по крайней мере договариваться о ценообразовании.

– От них люди есть, перетрешь.

– Рахмат. Ну а чего сам-то?

– А чего – сам? Сегодня так – жив, и слава Богу...

Оно так.

Военные оказались на месте, в административном корпусе, там обо всем перебазарили – конечно, слова сейчас дешевы, но любой умный человек буром переть не будет, предпочтет договориться. Вышли... перед админкорпусом был памятник... пионер с горном, обшарпанный, но целый, не отломали ничего. Так я и встал, на него смотря... а чего смотрел – и сам не понимаю. Может, потому что это из той, другой, жизни, которую мы ни хрена не ценили и за что ее навсегда потеряли. Может, потому что рядом с ним стоял автобус, школьный бывший – и около него какой-то гражданин с Северного Кавказа (азер скорее всего) договаривался о покупке оптовой партии баб...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.